

Савельев Яков

СУМРАЧНАЯ
СОНАТА
СТАРОГО ГОРОДА

Яков Савельев

Сумрачная соната старого города

«Автор»

2026

Савельев Я. А.

Сумрачная соната старого города / Я. А. Савельев — «Автор»,
2026

Слобожанский Город в разгар весны, тёплыми майскими ночами, всё ещё упивается светом полной луны. Тёплый ветерок носится по его улицам, шуршит свежей зеленью и разносит ароматы цветущих деревьев, а старые стены рассказывают свои истории ночным бродягам. Но для Государства наступили сложные времена. Неизвестная плесень на полях уничтожает урожай, проникает в города и отвоёвывает стены домов. Дефицит продовольствия и беспомощность власти перед лицом нарастающих проблем вызывают всё большее недовольство в обществе. Тем временем в Город приходит новая сила. Консул таинственного южноамериканского государства обещает помочь, решить проблемы и привести страну к изобилию. Однако, когда по ночам городские фонари, погаснув, вновь бросают свет на стены, а в переулках старого Города появляются новые тени, лишь немногие смогут понять, как велика цена этой помощи.

© Савельев Я. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Необычное знакомство	5
Роковой фонарь	34
Забывтый пациент	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Яков Савельев

Сумрачная соната старого города

Необычное знакомство

Стоял тёплый, наконец-то по-настоящему весенний вечер. Нет. Вообще-то уже была ночь с пятницы на субботу. Листья на деревьях уже пробились, и воздух стал настолько прозрачным, что казалось: каждый вдох наполняет лёгкие удовольствием, подобным первому глотку прохладной воды в жаркий день.

Если посмотреть на сияющие улицы центральных районов, например с крыши многоэтажного дома Холодной Горы, кому-нибудь могло бы даже показаться, что город и в самом деле наполнен чистой водой.

Все здания, машины, храмы со всё ещё золотыми куполами, фонарями, которые льют тёплый, обнимающий углы зданий свет, — всё утонуло. Только полная луна, усмехаясь, смотрела вниз и не находила на поверхности своего отражения.

Когда кто-то попрощался с вахтёром, на стандартных белых часах с чёрными стрелками над дверью проходной общежития было 12:45.

Открылись двери, и в переулочек в весьма неплохом расположении духа вышел мужчина. Лет тридцати, ростом примерно под 1,80, он был одет в коричневые лёгкие туфли, серые брюки, серый плащ, накинутый поверх слегка измятой рубашки, и строгую чёрную вельветовую шляпу. На шее петлёй болтался шёлковый галстук.

Из окна на первом этаже покинутого им здания раздался многоголосый раскатистый смех. Компания молодых и не очень людей, дурачась и звеня стаканами, отмечала какое-то событие. Потом зазвучала гитара, и все, ненадолго замолкнув, вдруг, как один, стали напевать одну известную затёртую песенку.

— Какая тёплая ночь, — подумал человек, бросив напоследок взгляд в сторону покинутого праздника. Затем, развернувшись, осмотрелся вокруг, развёл руки широко в стороны, поднял голову и шумно вдохнул.

От глубокого вдоха и принятой незадолго до расставания рюмки армянского коньяка закружилась голова. Реальность в свете жёлтых уличных фонарей слегка как будто сместилась в тёплые тона, а запахи свежего дождя смешались с ароматом женского парфюма на рубашке, оставленного кем-то с покинутого им праздника. Он навевал приятные, ещё свежие впечатления и даже манил обратно.

Однако старенькие дома в переулочке будто бы ожили и теперь встречали, словно улыбочивые старушки, своего совсем юного соседа у подъезда на лавочке.

Прямо как в детстве.

Вот здесь, совсем рядом, хоть время и разрушило некоторые стены, в одном из таких пожилых двухэтажных домов из красного кирпича некогда жила его семья.

Вот они, окна. На втором этаже была белая обшарпанная оконная рама.

Её перекрасили в коричневый цвет. Теперь живут здесь совсем другие люди.

И ещё чайный грибок на подоконнике.

Преодолев несколько десятков метров по усаженной с двух сторон каштанами улице, он вышел на перекрёсток.

Безлюдная Пушкинская — словно спокойная река, прорезавшая своё ущелье в скалах из старого кирпича и штукатурки, наполненная светом фонарей, витрин и светофоров, — медленно несла куда-то в устья бесконечных переулков.

Позади, из перекрестья электрических лучей жёлтых ламп, отразившихся в лужах, помигивая единственной фарой, тихо постукивая, догонял ремонтный трамвай.

Скрипя, словно вздыхая от усталости, он прокатился мимо, неся на своих бортах странные гирлянды из обыкновенных электрических ламп.

Вдруг, вспомнив что-то, ночной прохожий резко остановился и, проводив взглядом удаляющийся электрорельсовый транспорт, досадно произнёс:

— Вот чёрт! Я ей обещал сегодня. Чёрт!

Приподнятое настроение сменилось неприятным, хоть и притуплённым коньяком, чувством вины.

— Помочь с вакцинацией этих животных из приютов. У неё ночная смена. Клиника по дороге.

Зайду. Или не зайду.

О! Я позвоню.

Заприметив на другой стороне улицы таксофон, человек двинулся поперёк проезжей части к телефонному аппарату, но, не дойдя до её края, остановился снова.

Вздёрнув правую руку, он взглянул на выскочившие из-под серого рукава часы. Уточнив время, перевёл глаза на большой цилиндрический стенд, что зиждился у самого края тротуара на перекрёстке Пушкинской и Бекетова.

Афиша, что висела прямо перед его носом, гласила:

«Великий Инка, вождь народов Южной Америки, горячо приветствует пролетариат Первой столицы!

Главный зал ХАТОБ имеет честь дать слово представителю великого кормчего и прогрессора, консулу Социалистической Южноамериканской Республики — Родриго Кортезу.

Встречаем также нашу делегацию, пионеров науки и сыновей славного трудового города, представлявших наш край по программе обмена опытом в Южноамериканском государстве.

1 июня, 19:30. Главный зал.

Не опоздай купить билеты!»

— Уже опоздал, — подытожил человек.

Боже, какие же всё-таки стойкие духи у этой дамы из психиатрического.

Нет. Завтра. Зайду к ней завтра. Помогать там наверняка уже не с чем. Да и куда будет лучше явиться без лишних трофеев.

Попробуем загладить вину конфетами. Если не получится, придётся напоить.

Он представил себе худенькую, скромной красоты девушку. Волнистые чёрные волосы, довольно большой, но изящный нос, тонкие губы и выразительные карие глаза.

Было, наверное, в этих глазах нечто такое тёплое, чего в своё время не дала ему мать. И, увы, не было чего-то важного, чувственного и немного свободного. Такого, что могла бы дать ему, например, та самая дама из психиатрического.

Сегодня утром, по дороге с работы в поликлинике, в трамвае номер двадцать, что ехал в сторону станции метро «Исторический музей», он встретил её в соседнем вагоне. Она тоже его заметила. Сделав вид, что не узнал её, он вышел на ближайшей остановке, поспешно удалившись с озадаченным лицом.

Вот теперь ещё и это. Нарушенное обещание.

Посреди ночной Пушкинской она стояла перед ним в его воображении, смотрела грустно в сторону. Говорила что-то вроде:

«Неужели на тебя совсем нельзя положиться? Разве я для тебя всего лишь шутка? Если да, зачем же ты так злобно шутишь над тем, кто доверил себя тебе по твоей же просьбе?»

Пришло чувство вины. Это было неприятно.

- Я не знаю что тебе ответить Наташа. Все-же хорошо что мы еще не съехались.

Завтра вечером мы снова встретимся, и, наверное, нужно завязывать. Завязывать с этим лебединым озером.

Не успел он закончить мысль, как внезапно что-то, ударившись о носок его ботинка, блеснув малахитом, улетело вперёд, и звон бьющегося о камень стекла расколол его размышления на мелкие осколки.

Осмотрев то, что осталось от зелёной пивной бутылки у опоясывающего сквер Поэзии бордюра, он взглянул на улицу.

Там посреди развилки, излучая красно-золотое свечение, замер тот самый грузовой трамвай.

Впрочем, не приметить его было сложно.

На этом участке было необыкновенно темно. Большинство фонарей на Пушкинской перед сквером погасли, что было весьма странно для этого времени суток.

Это касалось и всего сквера, который от самой Сумской стал абсолютно чёрным. Через секунду позади, вплоть до метро Бекетова, погасла и Пушкинская. Лишь таксофонная будка за его спиной, у самой стены дома, плотно обклеенная объявлениями, почему-то продолжала испускать тусклый жёлтый свет.

Трамвай же имел странное устройство. Помимо основной фары над кабиной, он был оборудован дополнительной иллюминацией в виде двух гирлянд из обыкновенных ламп Ильича. Они болтались на проводах, натянутых с обеих сторон от красно-жёлтой кабины до мачты, установленной на другом краю борта. Очевидно, не лишённый питания, он, сражаясь с окружающими его по сторонам потёмками, светился словно ночной светильник на столе в тёмной комнате.

***

После некоторой, скрытой кузовом трамвая, возни из-за машины выскочила фигура невысокого, плотно сложенного мужчины. Этот человек, явно в возбуждённом состоянии духа, быстро перемещался вокруг транспорта, нелепо перебирая короткими ногами. Периодически роняя тяжёлый молоток, пиная его, он ругался на непонятном языке, потом, хватаясь за грудь обеими руками и произнося ещё какие-то невнятные ругательства, сдёргивал их резко в разные стороны.

Прохожий остановился, озадаченно разглядывая эту нелепую сцену.

Осознав, что привлёк к себе взаимное внимание, даже вздрогнул от неожиданности.

— Это вы пять минут назад звали чёрта? — Мужчина! — человек у трамвая махнул ему рукой.

Вопрос повис в воздухе без ответа.

Через несколько секунд его сменил новый.

— Вы не могли бы помочь, пожалуйста? — снова донёсся хриловатый голос вагоновожатого.

— А вы кто такой? Чёрт?

— Я?! — человек у трамвая, видимо оказавшись не в восторге от такого предположения, что-то проворчал себе под нос. — Нет!

— А вы не врётё?

— Я никогда не вру, — заявил голос, доносящийся от уже приближающегося в потёмках силуэта.

Вскоре прохожий стоял прямо у самой границы освещённого кабинкой пространства, далее путь преграждала ставшая неестественно вязкой темнота. Она, словно припудренная лёгким туманом, не имея какой-либо видимой границы, казалось, отталкивала излучаемый позади него свет от телефонной будки.

Наконец фигура водителя сделала ещё один шаг, приблизившись почти вплотную, и из тёмного участка улицы, как из чёрного зеркала глубокого колодца, Мише навстречу вынырнула крепкая мужская рука с растопыренными коренастыми пальцами и довольно волосатым запястьем.

— Иногда немного хитрю. Но не вру. Будем знакомы! — ответил странный человек.

Прохожий, не ожидая такого стремительного сближения, на секунду замялся, но всё же протянул руку навстречу. Их ладони сомкнулись.

— Миша.

— Меня зовут Перикл.

Не отпуская руки, он сделал волевой шаг вперёд, заставив прохожего немного попятиться.

— Ты знаешь, это занятно. Он, кажется, тебя очень услышал.

Человек из трамвая, усмехаясь косо, смотрел Мише прямо в глаза.

Миша, немного сбитый с толку происходящим, не без любопытства осмотрел своего нового знакомого.

Он был невысокого роста, коренаст, одет в серый матерчатый комбинезон и старые, вымазанные белой краской, коричневые ботинки. На голове, над его высоким лбом, вокруг лысины, как у католического монаха, лихо торчали слегка взъерошенные тёмные волосы.

В целом — обыкновенного вида работяга. Типичный работник Харгорэлектротранса, коих местами ежедневно встречали на трамвайных рельсах за своей рутинной работой прохожие да ругали опаздывающие пассажиры вставших трамваев.

Однако всё же было нечто необычное в его облике. Этой необычной деталью были его глаза.

Во-первых, это не были глаза пожилого мужчины. Необыкновенно живой, его взгляд был полон необъяснимой юной энергии.

Во-вторых, они были даже не голубые. Их радужная оболочка, словно космический взрыв, переливалась вокруг чёрного зрачка голубым, перламутровым и бирюзовым цветами.

Даже в полутьме они, слегка поблёскивая, смотрелись так, как будто принадлежат не человеку.

— А чем я, собственно, вам могу помочь? Я не хотел бы сильно пачкаться... У вас там, видимо, трамвай сломался?

— Да, вот спустило колесо. Поможешь запаску поставить? — Перикл хлопнул парня по плечу и рассмеялся смехом, похожим на воронье карканье. — Нет-нет, дорогой мой. Трамвай теперь полностью исправен. Только, пожалуйста, не зови эту гадину больше.

Ну ладно, как говорится, проехали. Я... — он запнулся и посмотрел вверх, видимо подбирая слова. — Я соскучился по хорошей компании. Ты знаешь, что мне скажи?

— Не знаю.

— Ты это... рабочий класс уважаешь?

— Уважаю.

— А, это... будешь? — Перикл потряс рукой с характерно оттопыренным мизинцем.

Прохожий, ничуть не опешив от такого неожиданного предложения, ответил с ироничной улыбкой:

— Интересно. И что же это такое?

— Кое-что, — Перикл слегка наклонил голову и, лукаво подмигнув, щёлкнул пальцами правой руки.

— Это, безусловно, заманчиво, но мне бы завтра встать до обеда...

И тут Перикл, театрально разведя руками да задрав нос, взял парня за правую руку. Слегка потянув пойманного прохожего за собой, сказал почти шёпотом:

— Пойдём. Я тебе обещаю, ты будешь завтра как стекло! Заодно экскурсия на трамвае. Ты когда-нибудь катался на таком раритете? А?!

Позади Миши вдруг раздался резкий неприятный звон — ожил таксофонный аппарат. Лампа в его будке, вопреки отсутствию электричества на всей улице, всё ещё светила, оставаясь единственным источником света на тротуаре.

Прохожий невольно обернулся. Ему почему-то стало тоскливо. Странное дело — он был почти уверен, кто находится на той стороне линии.

— Таксофон звонит. Возьмёшь трубку?

Миша молчал, так и замерев в нерешительности.

— Смотри, если у тебя там важные дела, можем тут и расстаться, — Перикл со странной улыбкой выжидающе смотрел на Мишу.

Миша подумал о своём бессмысленном поступке. О своих ночных приключениях и, в общем... в общем ему нечем было ответить на этот звонок.

— Пожалуй. Этот звонок адресован не мне.

— Ты уверен? Этот таксофон может больше никогда не зазвонить.

Миша угрюмо глянул на иронично ухмыляющегося водителя.

Перикл раскинул руки и подошёл ближе.

— Эх, юнга. Верно. Верно! — он хлопнул Мишу по плечу и слегка прижал его к себе по-дружески. — Жизнь коротка, как бутылка портвейна, и за новой не сбегаешь! А у меня, кстати, всегда найдётся.

Мише понравился этот пассаж. Уныние на лице сменилось робкой улыбкой.

— Вы спросили. Я отвечаю. Нет, на таком раритете я ещё точно не катался, — решив всё, Миша осмотрел покоящийся в отдалении, сияющий своими гирляндами трамвай. Наигранно недоверчиво взглянув на своего внезапного собеседника, добавил: — тем более с пьяным водителем...

— А с чего ты взял, что я пьян? Тебе вообще куда нужно? Подвезу, ты и глазом моргнуть не успеешь. — Перикл щёлкнул пальцами снова. — Пойдём.

Миша напоследок обернулся к всё ещё дребезжащему аппарату, но Перикл, двигаясь в сторону трамвая и удерживая своего гостя в объятиях, уже заступил на тёмную часть улицы.

— Эх, была не была, — произнёс неуверенно прохожий. — Только высади меня возле цирка. Хорошо?

— Возле цирка?

— Да.

— А что ты там забыл? Он уже закрылся. Все звери спят, клоуны пьяные. Я проверил.

— Клоунов проверили..? Ну хорошо. Мне просто по дороге. Понимаете? Ближе добираться потом домой.

— Молодой человек, можете мне абсолютно довериться, я точно знаю, где вас лучше посадить.

— Как вы можете лучше знать, где меня посадить, если даже не выяснили, где я вообще живу?

— Да знаю я, где ты живёшь. То же мне загадка.

Миша сделал озадаченное лицо, списав про себя это заявление на особенности характера своего нового знакомого.

Все так же в обнимку они наконец подошли к трамваю.

Водитель, деловито пыхтя, открыл створку и поднялся по двум ступенькам в кабину.

Дождавшись, пока Миша поднимется на борт, Перикл, снова приобняв гостя, заговорщически прошептал ему на ухо какую-то бульварную шутку. Оба рассмеялись, и над кабиной вспыхнул жёлтый прожектор.

***

Электрическая машина неспешно катилась по мостовой, прорезая светом своей единственной, расположенной над кабиной фары необычную темноту городских улиц.

Улицы эти покоились в потёмках, но всё же, озаряемые светом полной луны, угадывались своими знакомыми формами, поворотами и изгибами.

Мрачные дома и перекрёстки проплывали как-то необыкновенно медленно, несмотря на то что внутри трамвая ощущалось так, словно он несётся на всех парах.

Светящиеся гирлянды из ламп на его бортах отражались в тёмных окнах окрестных домов, бывало выхватывая оттуда какие-то мутные, тёмные, иногда причудливые силуэты.

По обочинам замерли припаркованные авто. На улицах не было ни единого пешехода.

Они подъезжали к Успенскому собору. Он был мрачен, возвышаясь в небо словно суровая тёмная скала.

В кабине старенькой машины было тесно, но уютно. Левое и правое смотровые окна, старомодно занавешенные кружевными салфетками, лишь усиливали это ощущение.

Помимо нескольких с виду архаичных приборов управления трамваем, небольшое пространство не позволяло даже разместить там сиденье водителя. Вожатый вёл трамвай стоя.

Мише гостеприимно был выдан припасённый хозяином раскладной стульчик для, как он выразился, «особых гостей». Этот стульчик то и дело, буквально на каждом повороте, норовил выскользнуть из-под пассажира, поскольку совершенно никак не был зафиксирован к полу.

Кабина освещалась пыльным светильником на потолке, что излучал тёплый жёлтый свет, оставляя по углам пространство для тени.

Две алюминиевые кружки с «кое-чем» разместились на узком сером деревянном ящике, что был прилажен к задней стене.

— На вкус как будто вермут. Что это? «Букет Молдавии»?

— Нет.

— «Чинзано»? Интересно. — Миша втянул носом воздух из собственной кружки. — Запах как будто фруктовый, но в то же время отдаёт травами. Никогда не пробовал подобного. Что это?

— Это средство от тоски и хандры, мой друг. Немного трав, немного терпения, ну и опыта, конечно.

— Собственного производства, значит? Ну что ж, это и в самом деле очень мило. А знаете? Я не жалею, что решился с вами прокатиться. Хотя и чудновато немного — мы ведь совсем не знакомы.

— Ну и что ж, что не знакомы? Мой друг, самые бестолковые дела делаются с теми, с кем перетёрто в порошок всё, кроме информации о собственном хроническом насморке.

Толковые, правда, тоже.

Но всё же, вот сам подумай. Что было бы хорошего, стань ты на том углу, у кучи битого, как моё несчастное сердце, стекла в позу и скажи: «Я с тобой, Перя, никуда не собираюсь!»?

Вагоновожатый произнёс последние слова с настолько драматическим выражением, что даже в жизни циничный, хоть и весьма захмелевший пассажир не на шутку проникся мнимым трагизмом этой ситуации.

— А ведь иногда! Иногда просто необходимо, вот просто обязательно нужно взять и поехать, — продолжал Перикл. — Только осторожно, если ты понимаешь, о чём я. Ибо, если поехать слишком неосторожно, то можно и заблудиться. А это уже, батенька, всё равно что стихия воды.

— Простите, я вас не понимаю.

— Ну ты же в курсе? Часто бывает так, что самые заветные сокровища скрыты от наших глаз. Где-нибудь на дне болота, например.

Вожатый с неестественно растянутой, глупой улыбкой повернул голову к Мише.

— Поэтому человеку так необходимо. Поэтому его тянет иногда взять и нырнуть вот туда, в омут, где почище, погрязнее — кому как. Но! Конечно, в итоге всегда, всегда, когда ты туда отправляешься, нужно знать меру, мой друг. Иначе ты просто потеряешь дорогу назад. В конце концов может оказаться, что главное сокровище — это в самом деле то, что ты уже имеешь. Поэтому будет жаль, если ты там захлебнёшься.

С другой стороны, не менее жаль, если не попытаешься.

Выслушав это молча, Миша вдруг захохотал.

— Какой вы, однако, неоднозначный.

Вожатый поддержал его довольной улыбкой.

— Поехать головой, что ли? Спасибо, я уж как-нибудь обойдусь без, как вы выразились, стихии.

— Тьфу ты. Я думал, ты поумнее.

— Да понял я. Вы имеете в виду какое-нибудь приключение. Узнать или найти что-нибудь ценное, рискнув собой.

— Вроде того. Ты, кстати, кем работаешь?

— Терапевт.

— Учёный, значит? — причмокнув сквозь зубы, пренебрежительно произнёс вожатый, сделавшись вдруг серьёзным.

— Учёный. Конечно, просто так нам никто дипломов не даёт.

— В расколе моченый! Ха!

Перикл щёлкнул пальцами и внезапно довольно сильно ткнул указательным в живот пассажиру, чем вызвал у последнего беспокойную улыбку.

Произведя это нападение, вожатый, кряхтя да похохатывая, наклонился, чтобы открыть какой-то ящичек, прикрученный к полу у ручки ускорения. Оставив на несколько секунд управление трамваем без внимания, он достал оттуда очередную стеклянную бутылку необычной формы. Вырвав зубами пробку из горлышка, Перикл снова наполнил кружки.

Чудесный напиток опьянял, но как-то по-особенному. Он всё ещё кружил голову, но мысли, наоборот, становились яснее, и чем больше его попадало внутрь, тем больше и откровеннее хотелось о чём-нибудь поспорить.

Поэтому, ощутив столь вздорным образом задетое достоинство адепта знаний и всего прогрессивного человечества, Миша решительно, насколько ему только позволял слегка заплетавшийся язык, возразил:

— А чего это вы так легкомысленно относитесь к персоне нашего брата? Наука, в том числе медицина, между прочим — истинный Бог для просвещённых! А учёный человек — её покорный и верный жрец.

— О как! — угорело рявкнул разбушевавшийся вагоновожатый. — А ну-ка, расскажи мне об этом подробнее.

— А вы что, не согласны разве? Лично я считаю, что нет границ для постижения, а стало быть, и для науки. Это значит, она может всё. Стало быть, да — наука Бог для просвещённых людей.

— Да что ты? Обезьяна смастерила дубину. Потом она замахнулась ей на обезьяну без дубины. Вот лично ты. Скажи, кто побьёт обезьяну без дубины? Дубина или обезьяна?

Миша, балансируя на хлипком раскладном стульчике, почему-то ощутил беспокойство.

— У вас там ножичка в кармане случайно нету?

Перикл с недоумением огорчённо глянул на Мишу, да так, что тот сам счёл свой вопрос глупостью.

— Ну я бы сказал, что обезьяну поменьше побьёт факт отсутствия у неё пистолета. Пара секунд молчания оборвались каркающим смехом Перикла.

— Молодец! Пятёрка за находчивость!

— Вообще обезьяна побьёт. Это очевидно. Но я понял ваш, так сказать, намёк.

— Замечательно.

— А именно: наша наука — это только инструмент. Верно?

— Верно. Было бы неплохо поставить вопрос, откуда вообще появились эти две обезьяны.

— Было бы неплохо. И как по-вашему?

— Ты скажи. Ты ведь доктор.

— Полагаю, как результат естественной эволюции материи.

— А карбюратор в твоём мотоцикле тоже возник как результат естественной эволюции материи? Кстати, зачем ты его перебираешь третий раз за неделю? Он вроде и со второй попытки был неплохо настроен.

— Зачем? Действительно. — Миша задумался, опустив подбородок себе на грудь. — Потому что нравится. Творческий процесс.

Собравшись было объяснить некоторые детали оптимизации создания топливной смеси в карбюраторе мотоцикла марки «Паннония», он вдруг остановился с отпечатком озарения на лице.

Часть откровений его нового знакомого касалась фактов, которых он совсем не мог знать.

— Мы точно незнакомы?

— Лично нет.

— Конечно. Каков хитрец, — подумал про себя Миша в паузе между диалогом, решив, что человек этот всё же о нём наверняка наслышан. — Решил нагнать интриги. Откуда-то он меня да знает. Наверняка.

— Ты не обижайся на меня, дружок. Мне просто скучно.

Люди обязаны учиться. Им ведь предстоит приумножить то, что им дано.

Ну, хотя бы не разнести всё в пух и прах.

А как же можно сотворить новое, толком не разобравшись, как построен этот ковчег.

И мир полон блестящих подсказок. И каждый раз любо смотреть, как они радуются. Честное слово, прямо как дети на новый год.

Перикл снова взял в руки бутылку, намекнув Мише глазами, чтобы тот вернул кружку.

— Красиво сказал. Без разговоров. Тогда предлагаю тост — за то чтобы приумножить.

Перикл выпил залпом и, вытерев рот рукавом, не глядя вернул её на серый ящик у задней стены трамвая.

Миша последовал его примеру.

После очередного опустошения бокалов наступила молчаливая тишина.

Пассажир, сидя на стульчике в углу кабины, слегка помятый и уже изрядно захмелевший, тем не менее ощущал прилив сил.

Встав на ноги, он выглянул сквозь окошко на улицу, отодвинув рукой белую кружевную салфетку.

За окнами проплывали всё те же мрачные тёмные безлюдные улицы.

На фоне их, залитая тёплым, хоть и тусклым жёлтым светом, кабина казалась парящим сквозь пространство места и времени оазисом уюта.

Осознав, что они проехали по улице Университетской мост через небольшую реку и уже подъезжали к цирку, он всё же решил не спешить.

Его увлекло внутреннее убранство и предметы, что наполняли этот маленький тусклый мирок.

Что-то особенное было в этом месте. Это что-то одновременно завораживало и тревожило, но было абсолютно неуловимо для сознания.

Предметы и детали интерьера выглядели вполне обычно для старой машины.

Утилитарные и потёртые механизмы. Они смотрелись архаично и затейливо в своей простоте.

Линии тянулись правильно, тени падали верно.

Но всё же, почему-то, после каждого вздоха вожатого трамвая, каждого стука стального колеса о полотно, реальность как будто слегка подрагивала, и внутренний мир старенького трамвая обретал едва уловимые новые оттенки.

Теперь, когда Миша задерживал на чём-то свой взгляд, маленькие и большие формы начинали складываться в какой-то особый спектакль.

Вот. В углах зашевелились вязкие тени. Они хотели расползтись и заполнить собой всё пространство, но лучи от лампы, словно обжигая, заставляли их прятаться. Чёрная амёба то отступала под предметы, то выглядывала с другой стороны. Это продолжалось до тех пор, пока вдруг, на новом повороте, светильник, мигнув или слегка потускнев, не позволял ей ненадолго отвоевать всё пространство. Вспыхнув снова, свет опять загонял тень под приборную панель, словно стаю крыс.

Миша настолько оказался поглощён этим действием, что участники данного состязания стали казаться ему живыми. В золотых лучах, испускаемых лампой, мерещились ему теперь мельчайшие сияющие существа.

Созерцая убранство кабины трамвая, Миша невольно перевёл своё внимание на Перикла.

Как и следовало вагоновожатому, он вёл трамвай, глядя куда-то по курсу, вглубь улицы.

Иногда его брови вздрагивали, будто он замечал что-то в воздухе. Тогда обычно ненадолго оно овладевало его вниманием, и он, едва улыбаясь, провожал это что-то своими необычными, как для человека, глазами.

Тщётно Миша пытался рассмотреть объект внимания Перикла. Нечто, судя по его взгляду, уже уносилось куда-то выше уровня крыш окрестных домов, стоявших у края проезжей части Москалёвки.

— Наука, — тихо промурлыкал Перикл. — Интересно. И что же верный жрец готов положить на алтарь науки?

Хмельной Миша, упёршись плечом в угол кабины, сморщил лоб.

— Да практически всё.

— Прямо всё?

— Да прямо всё.

— Мне это нравится. Хороший жрец. А вот ты?

— А вот... — он откашлялся. — Я!? Смотря для чего. Смотря какой нужен результат.

— Ах, результат сначала. Нет. Плохой жрец. Ну хорошо. Результат. Вот, например, ты сейчас очень сильно порежешься. А я возьму и дам тебе лекарство, которое мигом затянет твою рану.

Мало того — это лекарство заживит любую рану. Оно вылечит любую болезнь. Избавит от всех физических страданий.

Что бы ты отдал за такой результат?

Миша иронично усмехнулся.

— Какая фантастика.

— Отнюдь. Ну вот тебе честное пионерское. Есть такое средство.

— Ну хорошо. Если чисто гипотетически представить, что у вас есть такой препарат и вы были бы готовы вдруг отдать мне на него патент, даже в этом случае мне было бы нечего вам предложить. Просто потому, что я работаю врачом-терапевтом. В поликлинике. Понимаете?

— Прямо таки ничего?

— Ничего.

— А мотоцикл свой отдашь?

— Да пожалуй. Бери.

— Нет. Мотоцикла будет мало.

— Ну а что ещё тебе отдать, милый человек? Квартира? Квартира государственная. Как я её тебе отдам.

— А как же Наташа?

— А что Наташа?

— Отдашь мне того, кто тебя любит?

— Во-первых, привязанность — это не любовь. А во-вторых, как же я тебе отдам живого человека?

— Ну вот так. Скажи: «Я, Михаил Андреевич, отдаю тебе, Перикл, Наталью, что любит меня, поскольку не нужна она мне. С глаз долой — из сердца вон. За это ты мне, Перикл, подаришь чудесное средство для лечения ран и всяческих хворей. Всё».

И вновь Миша осознал, что его собеседник очередной раз проявил необыкновенную осведомлённость.

— погоди. Что за шуточки? — Миша широко улыбнулся. — А ты откуда Наташу знаешь?

— Я о тебе всё знаю.

— Да кто ты, чёрт возьми, такой?

— Прикуси язык, иначе в самом деле пойдёшь с ним знакомиться.

— Ну ладно. Чего ты так взъелся?

— Так ты согласен или нет? Взамен получишь рецепт и значок железнодорожника.

— Да забирай. Всем станет проще.

— Говори как я рассказал.

— Ну хорошо. — Миша развязно, достав пачку сигарет из кармана и вставив одну в зубы, коварно улыбнулся. Стоя, едва удерживаясь на ногах в качающейся кабине, он попытался прикурить. Однако зажигалка лишь сыпала искрами, так и не дав заветного язычка пламени.

— Ну ладно. Не обломится, — продолжил он, раздражённый неудачной попыткой закурить. — Я, Михаил Андреевич, отдаю тебе, Перикл, Наталью, что... что-то там... А! Любит меня, поскольку не нужна она мне... и это... с глаз долой — из сердца вон. Всё.

— Нда. И тебе ничуть не жалко?

Миша с торчащей изо рта сигаретой сердито разглядывал зажигалку.

— Нет, не жалко. Я её не люблю. Я собирался с ней расстаться.

— Нда. — Перикл, прищурившись одним глазом, с наигранным недовольством на лице глянул на Мишу. — А что ты будешь делать с этим препаратом?

— Я? Ну, во-первых, запатентую на своё имя. Потом зарегистрирую, испытания. Я вообще-то не фармацевт. Но как авторский препарат от практикующего врача — это было бы очень полезно для карьеры. Да.

— Это будет очень хороший препарат от практикующего врача, Миша. Он очень поможет сократить количество больных в твоей поликлинике. Только как же алтарь науки? Я пока услышал что-то про патент.

— Нет, ну это само собой...

— Хорошо. Договорились!?

— Договорились. Ну вы и выдумщик. Видать, творческая эта работа — водить трамвай.

— Ты даже себе не представляешь, насколько она творческая.

Перикл, прищурив глаз, протянул Мише крепкую раскрытую ладонь.

Миша, так и не достав сигарету из зубов, широко улыбаясь, ответил взаимным жестом. Они ударили по рукам.

Не успев разомкнуть рук, он заметил, как лицо Перикла сделалось суровым, а взгляд холодным.

Уловив резкое изменение в настроении собеседника, Миша решил поинтересоваться причиной. Однако Перикл, молча вернувшись к своей прямой обязанности следить за дорогой, так ему ничего и не ответил.

— Ну и ладно. — Пассажир откинулся назад, упёршись в угол между задней стеной и окном. Настроение Перикла явно передалось и ему.

Достав из кармана зажигалку, он снова попытался закурить — и снова безуспешно.

Ощувив возвращающееся чувство опьянения, он опять чертыхнулся.

Светильник на потолке заморгал и через минуту погас полностью. Где-то в глубине вагона напряжённо загудел электродвигатель.

Перикл словно застыл в потёмках. Его профиль в отражаемом с улицы лунном свете сделался бледным, словно мрамор.

Внезапно правое дверное окошко трамвая, как раз то, у которого вплотную стоял пассажир, разлетелось вдребезги.

От испуга Миша вскинул руки совершенно спонтанно и неуклюже.

Резкая боль хлестнула по запястью. Он выронил кружку, но она, вместо того чтобы сразу упасть на пол, вдруг подлетела вверх и, только ударившись о потолок, рухнула с металлическим лязгом на пол.

Миша, так и не осознав что произошло, глянул на разбитое дверное окно, из которого в полутьме угрожающе торчал край вывернутого в его сторону оконного стекла.

В лицо бил сквозняк.

Лампа под плафоном светильника моргнула и засветилась снова.

Ещё раз глянув на большой осколок, застрявший в окне, Миша заметил, что острая как бритва стеклянная грань оказалась едва испачкана влажным тонким красным налётом.

Однако довольно быстро он понял, что последствия куда серьёзнее.

Ощущая жгучую боль, он поднял перед собой правую руку.

Рукав плаща и выглядывающие лоскуты белой рубашки у самого локтя наполнились тёмной вязкой материей. Она обильно просачивалась сквозь волокна, словно сквозь сито, барабаня падающими алыми каплями о металлический пол кабины трамвая.

Пассажир быстро скинул правый рукав плаща. От манжета до локтя на его запястье зияла длинная болезненная рана.

Преодолев первый испуг, Миша тут же принялся оказывать себе первую помощь.

Закатив рукав, он бросил взгляд на Перикла и к своему удивлению застал на его месте лишь пустое пространство кабины.

— Перикл. Перикл!

Тёплая кабина трамвая, залитая тусклым светом единственного светильника на потолке, за исключением самого Миши была пуста.

— Ах ты... сбежал.

Миша с негодованием ещё раз осмотрелся вокруг. Не застав никого рядом, он молча разорвал свой рукав целой левой рукой.

Далее, скинув с себя галстук, плотно, несколько раз обернул и затянул его вокруг запястья у самого локтя.

Глубокая рана продолжала обильно кровоточить. Очевидно, большой осколок стекла в окне повредил вены.

— Мне нужна скорая. На улице Конторской есть станция, — подумал он про себя. — Это, должно быть, по пути. Но где Перикл?

Решив выяснить, где он сейчас проезжает, он стал вглядываться в окна.

Свет пропал снова.

Перемещаясь по кабине, в суматохе, ощутив под своим ботинком нечто мягкое и как будто живое, он остутился и буквально рухнул назад.

Когда пассажир неизвестного грузового трамвая пришёл в себя, всё в его глазах обрело второй контур.

Перикл стоял рядом с ним, почти превратившись в белый силуэт.

Тени теперь не падали верно. Краем глаза Миша заметил, как из-под приборной панели выползает нечто чёрное и тёмное, словно нефть. Оно медленно сползло вниз по механизмам трамвая из всех его тёмных уголков, и Миша чувствовал, как оно уже добралось до его раненого запястья.

Перикл некоторое время не двигался вовсе.

Он молча смотрел на него. Смотрел своими необыкновенными глазами, что приковывали к себе взгляд Миши, который, впрочем, теперь был не в силах даже моргнуть.

— Ты хотел рецепт. Ну что ж, рецепт. — Заговорил в его голове кто-то голосом Перикла.

Словно фильм на старой киноплёнке, образ Перикла рваными движениями поднял с пола какой-то предмет и на вытянутой руке поднёс поближе к глазам поверженного пассажира.

Этим предметом оказался крупный ворон. Сильная чёрная птица безвольно свесила голову с большим тяжёлым клювом между его пальцев.

— Вот рецепт. Предупреждаю, самолечение строго запрещено.

Свет в кабине погас, и Миша ощутил себя так, как будто в стороне от кабины, как будто пространство вынесло его в сторону и он очутился на одном из мест недалеко от сцены, а в театре прикрутили освещение в преддверии нового акта.

Когда свет вернулся, он понял, что снова сменил своё местоположение.

Пол был выложен коричневой плиткой. За окнами небольшой комнаты, похожей, судя по убранству и предметам, на приёмную врача в поликлинике, стояла ночь.

Прямо на полу, подвернув под себя ноги, у крупного лохматого дворового пса, сидела невысокая черноволосая девушка в белом халате. Она, печальная и усталая, медленно и ласково поглаживала животное по холке.

Пёс же, лёжа на холодном кафеле, по-доброму, благодарно смотрел ей в глаза, положив голову на её согнутое колено.

— Наташа, — почти произвольно произнёс Миша, ощущая неловкость и передавшуюся ему невообразимую печаль.

Наташа встала на ноги. Развернулась и вдруг подошла к нему вплотную. Заглянула ему в глаза.

Её взгляд был добрый. В нём не было ни капли упрёка или удивления.

Он был добрый и тёплый, словно душ продрогшему бродяге.

Как пламя газовой конфорки на старой плите в тихую ночь.

Тихий белый шум приёмника у окна.

— Твое лицо. Вот значит как?

Откуда-то снаружи доносился грохот. Мир сотрясаясь, словно издали приближалась война.

***

Проморгавшись, Миша суетливо, почти сразу, как пришёл в себя, вскочил на ватные ноги. Они подкосились, и тут же в беспокойной суматохе он, поскользнувшись на одном из валяющихся на полу осколков, опять рухнул на пол.

Раскладной стульчик кубарем улетел в обратную часть кабины.

Усвоив урок, более не стремясь предпринимать каких-либо резких движений, пассажир поднял свою руку и осмотрел запястье.

Несмотря на порванную рубаху, на нём не было и следа глубокого пореза.

— Что за... — Миша осёкся. — Я цел.

Встав на ноги, на этот раз медленно, он снова осмотрел пустую кабину.

В ней был лишь он. Он и тело большого мёртвого ворона на полу, что, словно камень, видимо, неуклюже угодил в окно злосчастного трамвая.

Оторвав порванный рукав, Миша накинул на голые плечи серый плащ. Кое-как подпоясавшись да надев на голову поднятую с пола пыльную, помятую шляпу, он сильно толкнул створку трамвайной двери.

Бог весть откуда взявшийся мощный ветер тут же сорвал с него головной убор, и его шляпа, на секунду взмыв вверх, унеслась куда-то за трамвай.

В этот момент мигнул свет, и вдруг вагон тряхнуло так, словно он наехал на брошенное поперёк рельс полено.

Подошва скользнула вниз, и мир, разок крутнувшись вокруг своей оси, вдруг сошёл на асфальтированном тротуаре.

***

Поднявшись на ноги да отряхнувшись, незадачливый прохожий осмотрел проезжую часть. На дороге не было ни одного автомобиля.

Трамвай довольно быстро уехал далее по улице, оглашая удаляющимся эхом стучащих в тишине мрачных улиц стальных колёс.

Фонари не работали.

В обе стороны простиралась абсолютно тёмная, безжизненная и незнакомая улица.

Где-то там, за свинцовым небом, разливала свет полная оранжевая луна. Однако облака были настолько плотными, что не пропускали на землю и десятой доли её свечения.

Миша попытался определить место или хотя бы район, где он очутился. В темноте облачной ночи контуры домов едва угадывались. Они были невысоки и безлики.

На всей улице был замечен лишь один источник света — тусклый и дрожащий.

Его хранило единственное окно дома, что находился прямо подле него.

Когда, подойдя ближе, он наконец смог кое-как разглядеть черты этого здания, всё стало на свои места.

Этот небольшой, узкий дом был очень хорошо знаком как ему, так и всем местным жителям.

Он узнал его по ажурной деревянной оправе в голландском стиле, которой был украшен его фасад.

Миша заглянул в маленькое окно. За старой рамой виднелся дрожащий слабый огонёк.

— Я недалеко, — обрадовался он своей догадке. — Отсюда бодрым шагом можно дойти домой всего минут за двадцать.

Не мешкая, почти на ощупь, он двинулся в путь.

В небе мелькнула зарница, осветив округу. В её свете вязкая темнота немного расступалась, и Миша вдруг обнаружил, что окна тёмных домов отнюдь не пусты. Практически в каждом из них стоял один или несколько тёмных, словно тень, человеческих силуэтов.

Он ускорил шаг.

Погасла очередная зарница, оставив от зданий и фонарных столбов лишь контуры.

Внезапно где-то высоко над ним раздался жуткий возглас.

Чем-то он был подобен вороньему крику, однако сходство было отдалённым. Крик звучал гораздо тяжелее и гортаннее.

Миша остановился в ужасе, вглядываясь вверх, как вдруг его обдало сильным потоком воздуха.

Крик повторился снова. Существо, издавшее его, что пряталось где-то в чёрном него-степриимном небе, должно было быть огромным. Словно в подтверждение этой догадки, его снова окатил мощный воздушный поток.

Страх сковал мысли. Он глянул обратно на тот дом.

Слабый, единственный на всю улицу дрожащий огонёк всё ещё тускло тлел в его окне.

Мише показалось, что этот жуткий город сейчас выпустит на него все свои тени и они утащат его в тёмную утробу одного из дворов, не добеги он до этого единственного огонька.

Испуганно осмотревшись, Миша ринулся обратно.

Добежав к дому, он тут же постучал в дверь.

Невидимый кошмар, что кружил где-то над ним, был скрыт на фоне чёрных облаков, но то и дело чудовищными гортанными возгласами давал знать о своём присутствии.

На стук в дверь никто не отвечал.

После очередной неудачной попытки он, боясь выронить хотя бы слово, заглянул в окно.

Там не было ни души.

Миша постучал в окно, и в этот момент над его головой раздался грохот.

Существо с гортанным возгласом опустилось прямо на крышу этого дома, попутно стряхнув вниз покоившуюся на ней многие месяцы пыль и мусор.

Миша медленно принялся отходить спиной в сторону дороги, однако неосмотрительно оступился и упал почти навзничь с края бордюра.

Падение на асфальт немного смягчил странный предмет из плотной материи. Этим предметом оказалась его шляпа, полчаса назад украденная и принесённая к бордюру проезжей части порывистым ветром.

Он замер.

В пасмурном ночном небе образовалось небольшое окно в облаках, и на короткое время тусклый лунный свет явил содержимое мрачного мира, похожего на реальный так же, как на человека его собственная тень.

Существо и вправду напоминало ворону весьма отдалённо. Его жуткая чёрная морда скорее походила на крокодилью пасть, нежели на клюв птицы. Ухватившись за конёк крыши жилистыми лапами, похожими на человеческую кисть, бестия то и дело со скрежетом царапала когтями старую жестяную отделку.

Воцарилось тревожное ожидание. На крыше ясно проглядывался жуткий чёрный силуэт.

Но произошло ещё кое-что. Он обратил внимание, что его головной убор вдруг сдвинулся с места и сам медленно переполз через бордюр.

Мелькнула серия зарниц, и из-под шляпы, где-то посреди тротуара, выскочило странное маленькое существо.

Оно, похожее на домовую крысу, опасливо озираясь, подбежало к дому и, попискивая, ловко запрыгнуло на стену. Далее, вскарабкавшись по рыхлой штукатурке, оно нырнуло в щель прилаженного к ней почтового ящика.

Через миг что-то с металлическим лязгом упало аккуратно возле Мишиного ботинка.

Силуэт на крыше грузно переминался с ноги на ногу.

Миша, преодолевая страх, очень медленно и аккуратно, чтобы не спровоцировать нападение, взял неизвестный предмет в руки.

Это был ключ.

Тем временем чёрный силуэт всё же пришёл в движение. Грузно грохоча когтями о жёсть, он вальяжно спустился ниже по правому скату. Оттуда, взмыв в воздух, существо, огласив гортанным криком всю окрестность, рвануло вниз и внезапно неуклюже рухнуло на землю.

Мишу, очевидно, спасли натянутые промеж столбов провода, поскольку теперь, в свете очередной зарницы, чудовище, опутанное каким-то шнуром, валялось на спине, неуклюже вертеться и дёргая торчащими вверх лапами.

Миша, находившийся от падения всего в двух метрах, поднялся на ноги и весьма проворно, буквально в три прыжка, добрался к дому.

Замок поддался легко, и через пару секунд дверь уже была заперта изнутри на засов.

Гигантская ворона, судя по шорохам, несколько раз обошла дом.

Пару раз кто-то постучал в окно.

Через пять минут зашумели огромные крылья, и на улице наступила тишина.

Миша, сидевший на полу у стены, поднялся на ноги и осторожно осмотрелся. Взглянул, как танцуют на стене блики слабого огонька.

Осторожно заглянул из прихожей внутрь комнаты.

Посреди обставленной старомодной мебелью гостиной, на двух табуретках стоял чёрный, украшенный венками гроб.

В гробу лежала пожилая женщина. Как и полагается покойнику, она была мертва и бледна.

На её смиренном лице тоже плясал весёлый огонёк лампадки. Она висела под иконами трёх святых в левом дальнем углу комнаты, под потолком. И именно она являлась хранителем единственного на всю улицу источника света.

Миша подошёл к гробу и от волнения и страха едва не перекрестился.

Глубокая старушка в сером платочке и вязаном свитере лежала в простом стандартном, обтянутом чёрным сукном, сколоченном из сосновых досок ящике.

Рядом стоял стол. На нём было две рюмки.

Ближняя к нему была пуста. Та, что подле покойника, — оставалась полной.

— Эх, бабушка-бабуленька, скажи, что за чертовщина тут творится? — пробормотал он себе под нос, стоя над покойником. Осознав, чего он только что пожелал, тут же на всякий случай всё-таки перекрестился. — Нет, лучше не надо.

Может, это всё мираж?

Может, это всё галлюцинация?

Сказав это вслух, он уставился на полную рюмку.

Если галлюцинация, то она не может быть во всём идеальна.

Схватив рюмку с водкой, Миша тут же, решительным движением, опрокинул её в себя.

Спирт ясно и отчётливо обжёг горло. Ощущения были реальны.

— Ох. Это не самогонка. Это какой-то медицинский спирт!

Откашлявшись, он выглянул в окно.

Чёрная улица почти не проглядывалась из-за отблеска лампадки в стёклах, чьё слабое пламя почему-то отражалось только в стекле ближней оконной рамы.

Время в доме как будто замерло. Стрелки часов указывали полтретьего ночи.

Миша сел на пол, прямо под подоконником. Осмотрелся.

В комнате пахло ладаном и старыми вещами.

На ветхих обоях висели фотопортреты пожилых людей и ковёр в дальней части комнаты.

Старый телевизор уже основательно покрылся пылью. На нём тоже стояла фотография, но уже с молодыми людьми.

В целом, несмотря на наличие покойника, внутри дома было тепло и уютно.

Но, только подумав о том, что было бы лучше дожидаться рассвета, Миша вдруг ощутил, как под ним задрожал пол.

На противоположную стену сквозь оконные рамы упал тусклый и постепенно усиливающийся электрический жёлтый свет.

Вскочив, он тут же взглянул в окно.

По улице в его сторону направлялся тот самый электрический трамвай.

— Перикл, — сердито выпалил он, стукнув кулаком о подоконник. — Ну ты-то мне и нужен.

Трамвай приближался. Недолго думая, бросив на всякий случай по сторонам из маленького окна пару опасливых взглядов, Миша, подгадав приближение ремонтного вагона, выскочил на улицу и, догнав уже проехавший трамвай, буквально впрыгнул в открытую дверь кабины.

На ящике всё так же покоились, подрагивая от вибрации, каким-то чудом не свалившиеся на пол две кружки.

Перикла в кабине не было. Трамвай двигался без управления.

***

Громоздкие тучи, словно немного растаяв под раскалённым шаром красной, как грейп-фрут, луны, наконец немного рассеялись, позволив наконец осмотреть окрестные улицы.

Здесь река покидала центральный район города. Она утекала в обычно и так слабоосвещённый зелёный массив некогда большого сада, сейчас разделённого железной дорогой и застроенного цехами старых заводов.

Трамвай подъехал к небольшой дамбе. Она мостом перекинула дорогу через реку, что обычно в этом месте отражала огоньки в окнах квартир, расположившихся по её берегам домов. Кроны каштанов, насаженных вдоль не очень ухоженной набережной со стороны улицы Конторской, роняли в неё свои листья.

Сейчас же река отражала лишь свет гирлянд по бортам трамвая, а за мостом и вовсе поднимался странный туман, что рассеивал свет единственной работающей трамвайной фары.

Он поглотил трамвай.

Теперь свет гирлянд и фары над кабиной в мутном коконе таинственного тумана создавал светящийся ореол, что, отражаясь от частичек влаги в воздухе, наполнял кабину и пространство снаружи изумительным свечением.

Миша стоял на том же месте, где ранее располагался Перикл, осматривая ручку ускорения.

Она смещалась вперёд и назад, как будто была приводима в движение невидимой рукой водителя.

Удивлённый этим фактом, Миша немного отошёл в сторону, невольно бросив взгляд на окошко правой двери.

В подсвеченной туманной дымке по ту сторону бокового остекления кабины он, к своему удивлению, заметил расплывчатый, но весьма узнаваемый силуэт водителя.

— Перикл. Перикл, вернись в кабину. Давай поговорим о нашем договоре.

Однако и так едва узнаваемый силуэт, существующий лишь в призрачном жёлтом свечении ламп, растворённом в тумане за бортом, стал вдруг расплываться ещё сильнее, вскоре и вовсе исчезнув.

— Перикл, — повторил Миша.

Трамвай снова сильно качнуло. Потом последовал резкий поворот. Пассажир в очередной раз едва не выпал в распахнувшуюся саму собой дверь. Успев упереться обеими руками в края проёма, он невольно по инерции выглянул наружу.

Увиденное его настолько удивило, что он, только подавив испуг, снова высунул голову и оторопел от изумления.

Несмотря на осторожность, Миша опять потерял свою шляпу. Ветер унёс её куда-то восвояси, принявшись неистово трепать его чёрные волнистые волосы.

За бортом же, в ночной полутьме над железнодорожным полотном, несся целый состав из светящейся неисчислимой цепи вагонов, растянувшейся далеко позади мощной, исполинских размеров паровой машины.

В небе перед ним предстала совершенно неземная картина. Два больших месяца, обратив свои края друг к другу, обрамляли величаво сияющую необыкновенно огромную луну.

Эта луна, словно огромный фонарь, разливала свой свет по обширной горной долине.

Железнодорожное полотно, покинув позади узкий, брошенный через ущелье мост, разделявший равнинные земли и предгорья, убегало куда-то к подошвам истинных великанов, что, обняв друг друга как в хороводе, высились почти до звёзд.

Едва ухватившись за поручень, он наблюдал, как под его ногами, немного поодаль, бежала белая река. Закручиваясь барашками, она уже много столетий как проделала себе путь в камне, параллельно железной дороге.

— Куда я попал? — Миша откинулся обратно в кабину.

Туман остался позади. Пропал старый город.

Перед ним открылась обширная горная долина с серебриющимися в лунном свете альпийскими лугами и колоссальными белеющими зубьями горных вершин, что восставали одна выше другой, словно ступени в облачённые белыми мантиями небесные чертоги.

Миша замер, одновременно упиваясь этой красотой и млея от ощущения своей ничтожности и страха перед этим неожиданно открывшимся чужим миром.

Откуда-то снизу по кабине трамвая снова повеяло теплом.

Он охотно сместил взгляд с того, что было вне кабины, на что-то более понятное и знакомое.

Ближе к полу действительно тянуло тёплым воздухом. Миша, заинтересовавшись источником сквозняка, осмотрел заднюю стенку.

На деревянном, покрытом серой краской ящике, что несколько выдавался из стены, так и стояли две кружки. Чудесным образом их не сдвинула с места даже сильная тряска.

Под кружками лежал листок желтоватой бумаги. Это была записка.

Миша взял её в руки, и как только он это сделал, кружки немедленно взлетели вверх, да так, словно под ними был взведён какой-то пружинный механизм. Отрикошетив от потолка, они с глухим металлическим стуком упали на пол.

Придя в себя от лёгкого испуга, он осмотрел листок. На нём серым карандашным контуром был изображён ящик у стены.

На изображённом в этом рисунке ящике так же, как и на оригинале, стояли две кружки.

Сам ящик, словно створка двери, был как будто едва приоткрыт с одной из сторон.

— Это несмешная шутка, Перикл! Ты куда делся?!

Снова ощутив тепло, он поводил руками в пространстве, чтобы определить источник точнее. Очевидно, оно шло откуда-то из самого ящика.

Он осмотрел его внимательнее.

Ящик в действительности так же оказался как будто едва выдвинут одним углом внутрь кабины.

Миша приложил к нему ладонь. Ни сам ящик, ни его наполнение не были источником тепла. Тогда он провёл рукой по краю створа, как раз там, где была щель в пространство за ним. Оттуда веял лёгкий, но отчётливо ощутимый поток тёплого воздуха.

При лёгком толчке в оттопыренный угол ящик поддался целиком, плотнее прижавшись к стене кабины.

В конце концов он сделал обратное, отодвинув его в сторону с небольшим усилием, и в стене его взору открылась ржавая чугунная створка. Примерно полметра в ширину и столько же в высоту, она несла на себе литой узор в виде лилии.

От неё веяло жаром. Он коснулся металла, ожидая, что тот будет горячим.

Однако створка оказалась холодной.

За неимением ручки он потянул её за край и, приложив солидные усилия, всё же привёл в движение скрипучие ржавые петли, открывая к своему глубокому удивлению доступ к странному помещению позади кабины.

Это выглядело как мираж. Картина по ту сторону лаза немного дрожала и расплывалась. Решив, что это от усталости, Миша протёр глаза. Ничего не изменилось.

— В омут, говоришь? Ну хорошо, хорошо. Посмотрим, что у тебя тут за кроличья нора, — пробурчал он и, изрядно сутулясь, втиснулся внутрь узкого проёма.

***

За странным проемом, открылось едва освещенное, довольно пыльное помещение.

Ступив с некой площадки и не успев даже толком осмотреться, Миша вдруг вскрикнул и, споткнувшись, буквально вывалился на густо усыпанный пеплом пол.

Что-то ошпарило его сзади. Жар проник сквозь одежду, прикоснувшись к самому телу, поэтому он был вынужден очень быстро сбросить с себя свой длинный плащ и остатки порванной рубашки. Валяясь на полу, он также скинул ботинки, штаны и вообще всю свою одежду, поскольку она была настолько раскалена, что причиняла ему существенную боль.

Так Миша оказался абсолютно гол.

Странный проём исчез. Его как будто и не было. Зато вместо него перед ним сияла жёлтая, раскалённая, пышущая огнём глотка паровозной топки.

Перевязав руку найденной тряпкой, чтобы не обжечься, он захлопнул створку печи.

Просторная кабина мощного паровоза была усыпана серым пеплом и остатками его загоревшейся и в итоге сгоревшей почти дотла одежды.

Было изнурительно жарко, котёл работал на полную, издавая жутковатый гудящий звук, сопровождаемый вибрацией, отдававшей в пол.

Упав на него и прижавшись к тёплой задней стене кабины, он так и пролежал несколько минут, обезкураженный и неожиданно обессиленный, пока в полубреду его не посетила мысль о том, что кто-то может войти и застать его голым.

Эта мысль заставила его снова осмотреть пространство вокруг. В углу кабины лежала какая-то странная, украшенная бронзовыми пуговицами старомодная шинель.

Немного придя в себя, он наконец встал на ноги.

Подняв найденную шинель, он, измазанный пеплом и сажей, тут же надел её на себя. Сглотнув иссохшим от жары горлом остатки влаги, снова осмотрелся.

Интерьер кабины был наполнен вычурно изогнутыми медными и стальными трубами, вентилями и различными манометрами в хромированной или медной оправе. Надписи были на английском языке.

В задней стене с левой стороны находилась узкая дверь.

Отворив её, он попал в тесный тёмный коридор, который быстро вывел его к корме тендера, вплотную примыкавшего к кабине. Открыв очередную дверь, Миша выбрался на металлическую решётчатую площадку с перилами.

Его обдал свежий холодный воздух, который стал теперь ему необычайно приятен и даже принёс облегчение.

Под ним над полотном летела сцепка с вагоном.

Сам вагон, видимо, был какой-то старой серии. У его входа в салон тоже была устроена примыкающая площадка с решётчатым полом.

Не задерживаясь, Миша отряхнул длинную шинель. Помявшись на месте комично торчащими из-под её подола голыми ногами, он перешагнул на соседнюю площадку и тут же, не мешкая, вошёл в салон.

***

Интерьер длинного коридора вагона-купе отличался необыкновенно богатой отделкой. Помимо стандартных окон в бортах, к слову, обрамлённых в рамы из дорогих сортов дерева, в обитом зелёным сукном потолке были расположены стеклянные световые порталы. Сквозь них внутрь скудно освещённого настенными светильниками прохода лунный свет изливался словно молоко. Перегородки, двери и фурнитура с растительными орнаментами — всё отсылало к прошлому веку.

Веку небывалой щедрости для избранных.

В коридоре не былолюдно, но двери в купе были преимущественно открыты. Там, на обитых тем же зелёным сукном стенах, светились точно такие же лампы, всё так же мягко храня уют отдельно взятого маленького дома на время пути для двух человек.

Пассажиры сильно отличались от тех, кого случайно попавший сюда человек ожидал бы встретить в таких интерьерах.

Вместо одетых в строгие костюмы-тройки господ и их спутниц, облачённых в платья моды конца XIX века, на местах располагались вполне обычные и внешне привычные своим гардеробом люди.

Единственная деталь, которую сразу подметил Миша, заключалась в том, что большинство из них были пожилыми женщинами и мужчинами.

Тем не менее встречались всё же и вполне молодые пассажиры: девушки, мужчины, а также дети.

Люди негромко беседовали друг с другом в довольно тёплой обстановке. Заглядывали в соседние купе, шутили, и в целом было сложно распознать, кто из этих людей друг другу родственники, а кто чужие.

На столиках между кушетками, что подпирали стойки с опорами в виде львиных лап, люди, как и в самом обычном плацкарте, доставали и делились своей едой.

Вот в одном из купе женщина, сидевшая напротив, предложила пожилому мужчине бутерброды с колбасой. Он в ответ, благодаря и раскланиваясь, поделился шоколадными конфетами.

Миша двинулся дальше, ненадолго задерживаясь у некоторых открытых купе. Помимо утоления собственного любопытства, он выискивал наиболее подходящую кандидатуру, которая могла бы хоть немного прояснить ситуацию или хотя бы рассказать об этом месте.

Очень часто на столах стояли рюмки.

Проходя мимо очередного купе, Миша, ненадолго задержавшись, заметил странную вещь.

Один из пассажиров как раз выпивал. Это был интеллигентного вида молодой человек в очках. Одет он был как горный турист и с виду был весьма продрогшим.

Выпивка ему явно не принесла удовольствия. Он съёжился и, прослезившись, поставил рюмку на стол. Тяжко вздохнув, он взглянул в окно. К удивлению Миши, рюмка так и осталась полной, как будто этот человек вовсе не опрокинул её содержимое только что себе в рот.

Его сосед напротив, видимо, был одним из кавказских горцев. Серьёзный, колоритный пожилой мужчина лет шестидесяти, с густой чёрной бородой с проседью и почти лысой головой. Он с характерным кавказским акцентом тихо приободрял расстроенного соседа:

— Ничего, сынок, ничего. Скоро обязательно согреемся.

Поддержав соседа добрым словом, он достал из-под бурки, лежавшей на его кушетке, несколько лепёшек и положил их на стол между койками.

— Покушаем, дорогой, — сказал он с задором, вдруг сменив серьёзное выражение лица на непосредственную, хоть и грубоватую, улыбку.

Миша, выждав подходящий момент, наконец осмелился спросить:

— Товарищи, здравствуйте. Вы извините, что я перебил вашу беседу. И ради бога простите мне мой внешний вид. Но разрешите задать один, возможно, глупый вопрос.

— Добрый вечер, — интеллигентно поздоровался молодой человек.

Худощавый горец, молча посмотрев на гостя, протянул к нему руку и жестом пригласил сесть рядом.

— Садись, покушай, дорогой. Втроём веселей будет. Три — вообще хорошее число.

— Меня зовут Миша. Здравствуйте, — он поздоровался с горцем, потом протянул руку туристу.

— Ты кем работал, дорогой?

— Я доктор.

— Доктор. Слушай, такой интеллигентный парень — откуда у тебя вообще могут быть глупые вопросы?

Словно фокусник, достающий предметы из шляпы, чабан как ни в чём не бывало принялся извлекать из недр лежащей на лавке бурки одну за другой различные закуски.

Шесть лепёшек, миску с укропом и прочей зеленью, пять яиц и, наконец, лукаво улыбувшись, — бутылку чаи.

— А это, ребята, вам. Мне нельзя.

Миша на этот раз охотно принял хычины, но отказался от рюмки.

Интеллигентный турист тоже не захотел больше пить.

— Ребята, а может, чайку? — предложил он в ответ.

— Молодец какой! Вот правильный парень. Нечего эту гадость. Пахнет, конечно, хорошо.

Подлая. Ладно, давай чайку!

Турист вышел из купе, но почти сразу же вернулся обратно.

— Там это... инспекторы. Приготовьте билеты.

— Билеты так билеты.

Горец снова забрался в свою бурку. Турист же принялся копаться в куртке, висевшей на крючке, прикрученном к стене купе.

— Билеты? — удивлённо спросил Миша.

— Билет, дорогой, билет. Когда он есть — проблемок нет, — срифмовал горец. — О, нашёл.

— Ага, хорошо.

Миша выглянул в коридор, желая увидеть кондуктора.

Однако вместо кондуктора в дальней части скудно освещённого вагона показался силуэт молодой девушки. Где-то позади, судя по суете и разговорам, и правда кто-то проверял проездные билеты. Но Мише стало не до этого.

Девушка подошла к окну и, упёршись руками в оконную раму, устало и как-то отчаянно опустила голову.

Чёрные туфли и белый медицинский халат. На руке — тонкая серебристая цепочка. Густые тёмные вьющиеся волосы упали вниз, заслонив лицо.

Миша поднялся с кушетки и, извинившись, двинулся в конец вагона.

— Доктор, а что спросить хотел?

— Я сейчас вернусь, — ответил чабану Миша, медленно и ненавязчиво вглядываясь на ходу в пассажирку.

Незнакомка вдруг подняла голову, взглянув в световое окно на потолке.

Лунный свет в один момент озарил её лицо, и Миша застыл.

— Наташа?

Тем временем девушка развернулась и ушла в противоположную сторону.

Из открытого перед Мишей купе в коридор выбрался мужчина довольно плотного телосложения. Перегородив проход, он упёрся руками в оконную раму и принялся разглядывать окружавший поезд горный ночной пейзаж.

Миша, протиснувшись с извинениями мимо полного пассажира, успел лишь заметить, как в конце вагона захлопнулась дверь в тамбур.

Быстро сократив дистанцию, он заглянул в купе, из которого она предположительно вышла.

Прямо на кушетке лежали гребень для волос и очки в чёрной оправе.

Без сомнения, их хозяйка была ему знакома, ибо ранее он видел их множество раз.

Множество раз он собственноручно снимал с неё эти очки.

Сколько раз она, перед тем как расстаться на день, стояла в его ванной у зеркала и улыбалась ему, причёсываясь этим гребнем.

Миша бросился в тамбур. Захлопнув за собой дверь, пройдя мимо комнаты проводника, он опять выскочил в межавгонное пространство. Не задерживаясь в нём, вошёл в очередной вагон.

Там ему открылся ровно такой же коридор. Расположение купе и декоративная отделка были идентичны предыдущему.

Миша пробежался по вагону, то и дело заглядывая в каждую дверь.

Безмолвно сидела и смотрела друг на друга пожилая пара, мать с младенцем на руках, водитель такси в фуражке; две пожилые старушки играли в карты.

Ни в коридоре, ни в купе её не было.

Так он добежал до конца вагона. Сквозь световые окна по сонному салону снова пронеслась полоса света, и в конце коридора, ровно с той же стороны, с которой он сам вошёл в этот вагон, появилась она.

На этот раз он был уверен. Как же он был счастлив её видеть.

Её присутствие воодушевляло хотя бы потому, что это была первая знакомая душа в этом хаосе одновременно близких и далёких от реальности вещей. Тем более что теперь Миша, ощущая вину за свой неосмотрительный поступок, почему-то был не на шутку взволнован её судьбой.

Вспомнив хмельной договор с Периклом, он вдруг невольно на секунду замедлился, споткнувшись об одну неприятную и нереалистичную мысль.

— Что же ты тут делаешь, Наташа?.. Наташа! — наконец позвал он её в полный голос, опомнившись, и двинулся ей навстречу.

Девушка, как будто игнорируя его, продолжала смотреть в окно, даже не пошевелившись.

— Почему вы шумите, милейший? Вас что-то беспокоит? — вдруг донеслось позади.

Миша, не ответив на вопрос, было собрался быстро догнать её, как вдруг кто-то мягко схватил его за запястье.

— Предъявите ваш билет, пожалуйста, — снова донёсся со спины строгий, но спокойный голос.

Видя, что Наташа ускользает за дверью, Миша попытался вырвать руку. К его удивлению, у него ничего не вышло.

Измученный, он обернулся. Его пойманное запястье как будто не двинулось даже на миллиметр.

Перед ним стоял невысокий кондуктор. Он был одет в старомодный китель и фуражку. Над полными губами вздымались, закручиваясь, длинные аккуратно уложенные рыжие усы.

Кондуктор добродушно улыбался, совершенно игнорируя измазанное лицо и торчащие из-под грязной шинели босые ноги пассажира.

— Возможно, у вас нет билета?

— Как это нет? Есть. Вот, — Миша забрался в карман шинели, делая вид, что достаёт что-то. — Простите, мне потребуется вторая рука для поиска.

Хватка его пленителя ослабла. Как только это произошло, Миша тут же опрометью бросился через очень кстати опустевший коридор.

Проскочив оба тамбура и грохочущее пространство между вагонами, он сходу заглянул в то самое первое купе.

На кушетке, сосредоточенно стуча клавишами по небольшой печатной машинке, расположился мужчина лет шестидесяти.

У его стоп, обутых лишь в толстые шерстяные вязаные носки, натянутые поверх типичных синих спортивных штанов, лежала лохматая, преимущественно чёрная кошка с рыжим пятном на морде. Оба почти одновременно подняли глаза на Мишу.

Небольшие тонкие усы, короткая ухоженная борода и немой вопрос в сосредоточенном взгляде из-под толстых линз очков в роговой оправе выдавали в нём человека интеллигентного, но оторванного от важного дела.

— Извините. Здесь, кажется, была одна девушка. В очках и белом халате. Вы случайно не знакомы?

— Увы, кроме меня и моей Конституции, тут никого нет.

— Какой ещё Конституции?

— Мою кошку зовут Конституция. Она сейчас греет мне ноги.

— Как не было?.. Это тот же вагон.

Миша застыл в проёме, разочарованно уставившись в пол.

— Вы кого-то потеряли? Входите, опишите. Только прошу вас, закройте дверь — из коридора дует.

Извинившись и закрыв дверь купе, Миша в недоумении двинулся дальше по вагону.

Всё здесь было ровно так, как и раньше, за исключением лишь пассажиров.

Пропали и интеллигентный турист, и добродушный горец. Вагон населяли совсем другие люди.

Миша в расстроенных чувствах осмотрелся вокруг, попутно ощущая на себе повышенное внимание посторонних.

В ближайшем от него купе, опёршись о стенку и галантно не снимая ярких лакированных туфель на каблуках, закинув ноги на кушетку, расположилась поджарая женщина лет семидесяти. Она была одета в строгий чёрный костюм с подвёрнутыми — так что была видна щиколотка — брюками в среднюю белую клетку.

Из-под пиджака стройного покроя выступало жабо. Короткая стрижка, несколько надменное выражение, а также папирота в длинном мундштуке выдавали в ней почти наверняка персону весьма творческую.

Она задержала свой холодный взгляд на Мише, который в задумчивой позе застыл как раз напротив её купе.

— Вы знаете, молодой человек, если абстрагироваться от деталей, с вашими физическими данными из вас, возможно, получился бы неплохой артист, — произнесла она несколько чопорно, напоследок хмыкнув себе под нос.

Комплимент показался Мише странным. Тем временем по салону шептались. Люди кидали любопытные взгляды.

Долго разбираться в причинах не пришлось.

Миша и так уже понял, что произошло. По телу пробежал холодок.

Женщина затаилась сигаретой и, в очередной раз окинув Мишу своим холодным взглядом, не менее холодным голосом вынесла вердикт.

— Силуэт немного лирический, но ноги крепкие. Руки тоже. С поддержкой вы бы справились.

Взгляд скользнул по окну в купе, располагавшемуся у головы дамы. В свете тусклых жёлтых ламп на него оттуда смотрел его собственный образ. Абсолютно голый и немного лирический.

Неумолкающий шёпот вдруг прервал шум открывающейся тамбурной двери. Послышались голоса.

— Это был он, я уверен. Билета нет, но... — донеслось из-за двери в конце коридора.

Миша, осознав, что теряет контроль над ситуацией, ринулся бежать, чуть не сбив с ног полную рыжеволосую барышню, которая так некстати выбралась из своего купе с двумя стаканами в типичных железных подстаканниках.

Наконец всё же добежав до входа в тамбур, он затворил дверь в вагон с обратной стороны.

Далее уже была знакомая ему площадка паровоза, а за ней — вход в узкий коридор тендера паровоза.

Пройдя сцепку, он вошёл в коридор и, захлопнув дверцу, взглянул в её маленькое окошко.

За ним, шумя и покачиваясь вдоль горной долины, его догоняла цепь вагонов.

— Как же Наташа, — подумал он. — Надо бы вернуться? Нет, это какая-то иллюзия. Галлюцинация. Так не может быть.

Нужно вернуться. Вернуться в трамвай.

***

Раздетый пассажир быстро проскочил узкий тендерный коридор и, не мешкая, вошёл в кабину.

Как и ранее, в ней было довольно темно и ни единой души.

Открытого пламени топки и пары светильников едва хватало, чтобы хоть как-то обозначить контуры механизмов и манометров в обрамлении медных труб. На всякий случай Миша выглянул в окошко позади себя. Слабо освещённый узкий коридор был пуст.

Погони не было. Бежать дальше было некуда.

Несмотря на потёмки, кабина паровоза была насыщена звуками.

Жужжала вырабатывающая электричество динамо-машина.

Колёса отбивали монотонный ритм за бортом. Из котла доносился тихий гул пламени, которое, танцуя в небольшом овальном окошке из чугуна, невидимым прозрачным барьером как будто разделяло мир надвое.

Миша, сев прямо на ступеньку у входа в тендер, стал созерцать огонь, ощущая голой спиной приятное тепло металлической стенки.

— Как такое возможно? — подумал он. — Чем же ты меня напоил, Перикл?

Нет, это какая-то бессмыслица. Я, наверное, нахожусь в коме или медикаментозном сне.

Послышался шум высвободившегося пара. За ним по полу распространилась лёгкая вибрация.

— Ладно. Рано или поздно это закончится. Лишь бы только я сейчас в самом деле не валялся вот таким же голым где-нибудь у тротуара.

Он осмотрел себя. В потёмках его тело показалось ему несколько прозрачным.

— Пёс пойми что. И куда только могло пропасть это пальто.

Нет, нет, это какой-то сон. Это изменённое сознание.

Он вытянул руку в сторону топки и осмотрел ладонь.

Оранжевое дрожащее пламя как-то необычно ясно просматривалось сквозь его запястье.

В тот же момент он вдруг услышал некий шёпот.

В шуме огня, от которого, казалось, он исходил, ему стали различимы отдельные слова и даже фразы.

Пламя в котле паровоза разговаривало с ним. Оно звало его по имени.

Опустив руку, он приблизился настолько, насколько это позволял сильный жар.

— Миша. Миша, мой мальчик, — шептала топка. — Подойди ближе. Не бойся. Второй раз не сгорают.

— Ты что, печка, разговариваешь? Что значит — два раза?

Ответа не последовало. Поднявшись на четвереньки, он попытался придвинуться ближе, щуря глаза от горячего воздуха.

Немного в стороне от котла, на полу, он снова увидел свой сгоревший почти дотла ботинок. Он всё ещё дотлевал от близкого жара, медленно превращаясь в горстку пепла.

Через несколько секунд слова в шуме огня стали различимы снова.

— Зачем ты пришёл сюда?

— Я искал выход.

— И это всё?

— Нет. Я ещё искал Перикла. Я хотел бы расторгнуть наш с ним договор.

— Но ты ведь уже заплатил.

— Заплатил?! Чем заплатил? Нельзя заплатить другим человеком.

— Можно заплатить судьбой. Будущим, которое он доверил тебе. Ты обменял.

— Я не согласен! Да и на что же я его обменял? Я ничего не получил.

— Получил.

— Что я получил? Я сижу голый в каком-то паровозе, который катится по горной хрен пойми какой местности, и разговариваю с паровозной топкой. Что же я такое обрёл, кроме шизофрении? С кем я вообще разговариваю?

— Ты получил то, о чём договорился. Средство от тоски и хандры, мой друг. Немного снисхождения. Немного терпения. И, конечно, сожаления. Куда без него?

Просто прикоснись. Просто пожелай всего хорошего. Сделай так же, как ты уже сделал, если решишь, что пора. Но помни: это самое последнее лекарство, доктор.

— Перикл?! Перикл! Ах ты хитрый фокусник! А ну-ка выходи! Я так и думал. Ты сидишь где-то тут и морочишь мне голову!

Миша вскочил на ноги. Игнорируя сильный жар вблизи топки, который теперь ощущался как лёгкий тёплый поток воздуха, он неистово принялся обыскивать кабину.

Сначала он осмотрел пространство за двумя сиденьями.

Постучал по заслонке за манометрами.

Стальной щит за приборной панелью надёжно прикрывал всё, что было позади неё. Спрятаться там было невозможно.

Затем он выглянул из окна кабины на улицу — сначала слева, а затем справа.

Никого не обнаружив и там, он наконец заглянул в тёмный тендер, где на ощупь помахал руками в надежде изловить проказника. Вслух в очередной раз потребовал Перикла показаться ему на глаза.

Однако всё было тщетно.

Внутри кабины, как и внутри угольного тендера паровоза, не было ни единого признака присутствия кого-либо ещё, кроме него самого.

На него вдруг свалилась тяжёлая усталость. словно недомогающая, он оперся о стену, безвольно ссутулившись.

Он понял. Бесплотный шум печки складывался во фразы беззвучно, лишь в его голове. Миша засомневался, слышал ли он вообще кого-нибудь в действительности.

— Я бы хотел вернуться домой. До того как я вошёл в эту маленькую дверцу, трамвай должен был скоро подойти к моей остановке. Пока я не нырнул в этот омут.

Я бы хотел вернуться домой и кое с кем повидаться, — произнёс он словно молитву, в надежде, что каким-нибудь образом его слова всё-таки материализуются.

— Пепел не может сам по себе с кем-то повидаться.

— Какой такой пепел? Я — вот он я. Я стою перед...

Миша глянул себе под ноги.

Его мироощущение подвело его снова.

Он не увидел ни ног, ни торса, ни даже рук, которые, тем не менее, всё ещё чувствовал.

— Посмотри перед собой. Что же ты видишь?

Миша снова взглянул на топку. Прямо под печью, у тлеющего ботинка, толстым слоем была рассыпана серая хрупкая пыль. Рядом также лежали обгоревшие наручные часы. Остовы оплавившихся стрелок на горелом циферблате указывали примерно час ночи.

Поодаль, в дальнем левом углу у приборной панели, он также заметил тело мёртвого ворона. Того самого, что выбил окно кабины трамвая.

Неприятная мысль, которую он настойчиво гнал от себя с самого начала появления в этом странном поезде, обратилась в страх.

Он свалился на него словно мешок цемента, заставив пассажира съёжиться, упасть на пол и прижаться к углу кабины.

Он осознал вдруг, что помимо обычных человеческих чувств медленно теряет ещё одно — некое ощущение общности и неотъемлемой части этого мира. Теперь оно покидало его. Он отчуждался.

— Не может быть, — промолвил он бессильно, почти про себя.

Он стал замечать, что постепенно всё меньше ощущает жар. Пропало чувство тепла от нагретой стенки тендера, к которой он прислонился спиной, и самое ужасное было в том, что вместо него не приходил холод.

Вместо него приходили пугающее густое забвение и чувство пронизывающего жуткого одиночества.

Оно пророчило ему отречённость от всего, что существовало в его былом мире.

— Что со мной будет? Я ведь ещё говорю с тобой. Я даже чувствую. Значит, я ещё существую, — отбросив сомнения в реальности происходящего, он снова обратился к топке. — Ты чего-то хочешь от меня? Скажи мне.

Издав несколько странных жутких скрипов, печь заговорила снова.

— А боишься? Не напрасно. Ты исчезаешь.

А знаешь почему?

Ты исчезаешь, потому что нет ничего, что бы ты создал и любил в своей жизни.

Ты теряешь чувства, потому что отвергал их. Зачем же они тебе сейчас?

Ты смеялся даже над собственной душой.

Был в мире кое-кто, кто мог бы сохранить тебя в своей памяти.

Но и его ты продал.

И вот тебя сдувает вместе с пылью, которой теперь ты считал себя при жизни. Вот так умирает пыль.

Диалог прервался. Гудело пламя, колёса поезда стучали, словно сердце мира.

— Если я теперь только пыль, отчего же мне, теряя чувства, именно сейчас, в этот момент, так тяжело от моего сожаления? Я бы хотел...

Не успев договорить, Миша заметил, как лёгкий ветерок, задувавший через открытые пространства по бортам кабины, и в самом деле постепенно выносил то, чем, по словам печи, он, собственно, и являлся.

Он осознал, что больше не в состоянии говорить, — как будто ветер так же сдул и его язык.

— Это, Мишенька, добрый знак.

А тем временем мы увлеклись беседой. Мой друг, ты и в самом деле буквально рассыляешься попусту.

Придержи свои речи на потом, юнга, будет у тебя шанс наговориться, ибо у кого-то там на тебя таки всё ещё есть другие планы.

Из чёрного дальнего угла у тендера — настолько тёмного, что на его стенках едва отблёскивало пламя печи, — вдруг показалась уже знакомая своими чертами плотная фигура вагонновожатого.

Хрипловатый резкий голос уже не шуршал в голове отзвуком гудящего пламени из топки, а вполне осязаемо сотрясал воздух, заставляя Мишу ощущать вибрацию от каждого слова всем своим естеством.

Перикл подошёл к тендеру и, вынув из него лопату, принялся ловко забрасывать в топку уголёк.

Закинув примерно ведро каменного угля, он бросил лопату обратно в тендер и стёр пот с собственного лица чёрной от угольной пыли рукой.

К этому времени Миша уже категорически не мог понять, где именно находится в этой кабине.

Когда он говорил, он слышал себя так, как будто разговаривал с уровня пола — примерно у подножия агрегата, увенчанного наверху серым торчащим в сторону рычагом с чёрным эбонитовым набалдашником.

Кабину он созерцал с противоположного угла, на уровне потолка.

Слышал же он буквально тем местом в пространстве, где сейчас находилась основная куча серого пепла.

— Кажется, тебя слегка подсдуло. Вот дела.

Ну? И из чего же испечь этот пирожок, коли муки совсем не впрок?

А ну-ка, Мишка, соберись!

Перикл невесть откуда выхватил метлу и принялся аккуратно сметать серую пыль из разных углов кабины непосредственно в центр, поближе к топке.

Намотанная на потолке паутина тоже улетела в общую кучу.

Сброшенная с метлы, она от близкого жара печи сторела в полёте, едва не долетев до пола, и упала такой же серой пылью.

На некоторое время Миша ощутил некоторую целостность. Теперь, незримо собравшись, он как будто сидел на служебном стуле, разглядывая всё это действие со стороны.

Однако чего-то всё ещё явно не хватало.

Он попытался обратиться к Периклу, но так и не смог заговорить.

Перикл же медленно поднял с пола тело ворона, потряхивая им в правой руке.

Посмотрев в сторону Миши, он с иронической ухмылкой покачал головой.

— О! Ты сегодня просто неопикуемый везунчик.

Во-первых, тут ровно столько, сколько не хватает.

Во-вторых.

Ты представляешь, какое дело?

То, что было твоим языком, уже давно сдуло. Но вот этот ворон! Этот ворон — он, блин, говорящий! Представляешь? Жрец!

Значит, мы с тобой всё-таки ещё поболтаем! Какой случай! А?!

Периклу явно понравился собственный странный каламбур, и он хрипло расхохотался, попутно швырнув тело птицы прямо в печь.

Печь охотно поглотила угощение, выбросив наружу целый сноп искр.

Через минуту бывший вожатый трамвая, а теперь уже паровоза, ловким быстрым движением лопаты извлёк обратно горстку золы. Сделав это, он тут же высыпал её в общую кучу пепла, перемешав всё краем лопаты.

Миша, находясь в прозрачном, почти эфирном состоянии и почему-то в необъяснимом воодушевлении, вдруг ощутил странное.

Внезапно пол-лица вздыбилось и покрылось перьями, а у переносицы вырос большой чёрный клюв.

В панике он вскочил со стула, схватившись за лицо, в том числе и за тот огромный чёрный отросток, что вырос у него на месте рта и носа.

Где-то в горах завыл ветер. Лицо Перикла снова сделалось серьёзным.

Он достал из кармана своего комбинезона небольшой кружевной платочек и принялся вытирать вспотевшее лицо.

— А сейчас сделай то, что я велю тебе. Сделай побыстрее, пока ветер с гор не сорвался вниз.

Оботри этим прахом своё тело с головы до пят. Оботри как следует, чтобы каждая пылинка из этой кучи впиталась в твоё тело.

Больше не ходи в вагон.

После того как станет тело твоё серым, как этот пепел, выйдешь отсюда через правый по ходу паровоза проём.

И впредь запомни мои слова. — Он остановился и внимательно посмотрел на Мишу, который растерянно осунулся обратно на металлический стул, боясь даже открыть свой новый рот.

Глаза Перикла принялись переливаться голубым и перламутром, почти гипнотизируя.

— Не каждый ростовщик сохранит то, что выменял у наивного.

Не каждый сможет простить тебя в глазах того, кто приставил его к тебе.

Не сори судьбами тех, кто тебя любит.

А теперь иди, жрец.

Ходи так по миру. Ходи, пока не окажешь последнюю услугу тому, кто воистину заслужил её более всех.

Тогда будет наш договор расторгнут.

Опасайся того, что в сумерках.

Знай: нет ему места ни в сумерках, ни во тьме, ни в свете белом.

Став на пороге, прямо у края проёма между локомотивом и тендером, Перикл вдруг вывесился всем телом наружу, оторвав одну ногу от пола.

— Ах да. Перед тем как будешь уходить, закинь ещё пару ведер угля в топку. В благодарность за твой новый очаровательный болтливый клюв.

Сказав это, Перикл расхохотался вороньим смехом и тут же сбросился вниз, моментально исчезнув с порога локомотива, словно в небытие.

Миша стоял молча, не чувствуя себя ни человеком, ни зверем, однако явно сохраняя то, что можно было бы назвать ясностью разума.

Где-то в горах, ещё ближе, снова взвыл ветер. В кабину проник небольшой сквозняк.

Не теряя времени, он наклонился к собственному праху и сперва слегка прикоснулся к нему.

Кончики пальцев тут же ощутили весь спектр утраченных чувств.

Невероятно обрадовавшись этому факту, Миша принялся покрывать пеплом всё своё тело.

Смоченный потом, он охотно приставал к коже, казалось, словно тонкими волокнами впитываясь внутрь пор, навечно связывая серую пыль и плоть.

Постепенно стали возвращаться контуры его тела. Он снова ощутил жар топки и лёгкий прохладный приятный сквознячок, доносившийся со стороны проёма между кабиной и тендером.

Чтобы выполнить завет Перикла как следует, он лёг на пол и принялся валяться и вертеться по всей кабине.

Наконец, покрыв всё своё тело пеплом, а также сажей от угля, Миша поднялся на ноги и, ссутулившись, испуганно глянул на топку.

Ощупал своё лицо. Оно было вполне человеческим.

Глянул в сторону правого проёма, в который завещал ему выйти Перикл.

Там, теперь совсем недалеко, под светом яркой луны проплывали могучие горы с едва различимой растительностью и скалами на склонах.

Паровоз явно набирал высоту, двигаясь немного вверх по наклонной.

Памятуя прошлые падения с трамвая, он неохотно, крепко схватившись за вертикальный поручень у края кабины, выглянул наружу.

Внизу зиял обрыв. Чёрные скалы сулили неминуемую гибель любому, кто попытался бы выпрыгнуть из паровоза.

Стук колёс, изнутри кабины звучавший умиротворяюще, здесь казался холодным и жестоким боем с силами природы этого огромного могучего механизма. Резким и неумолимым, как сталь, давящая всё под башмаком гиганта.

Смотреть туда было страшно. О прыжке в эту бездну не могло быть и речи.

В растерянности, вернувшись к топке, Миша вдруг вспомнил о завещании Перикла забросить уголь в печь.

Он охотно принялся за это, чтобы хоть как-то отвлечься от мысли о том, что ему, чтобы вернуться домой, всего-то и требуется — выброситься из поезда в скалы.

Взяв лопату, он забросил первую порцию угля.

Печь, словно получив гастрономическое удовольствие, проглотила уголь и издала низкий гул.

В этот момент на поезд неожиданно налетел очень сильный ветер. Мощным потоком, ворвавшись внутрь кабины, он толкнул Мишу в спину, заставив уронить лопату.

Из печи показались длинные языки пламени.

Через несколько секунд топка вдруг заревела, и снаружи машины то тут, то там стали раздаваться всплески паровых гейзеров.

Затем печь буквально взбесилась, извергнув в кабину огненный поток, и Мишу выбросило наружу.

Теперь он падал.

Иногда возвращался мощный воздушный порыв. словно дурачась, он подбрасывал его снова вверх, и Миша, барахтаясь мимо проносившейся бесконечной вереницы огоньков светящихся окон, словно кадров киноплёнки, мог даже различить некоторых пассажиров.

Подлетев по касательной, он падал снова.

Так продолжалось до тех пор, пока в один момент его падение вдруг не замедлилось и поток воздуха не стал поднимать его выше и выше.

Наконец он отстал от поезда, чей светящийся длинный хвост уходил по долине дальше, постепенно скрываясь за очередной горной грядой.

Несмотря на это, в его голове, словно по инерции, словно фантом, продолжал резонировать стук колёс.

Вдали показались огоньки большого города.

Поток ветра нёс его туда.

Когда уже стали угадываться некоторые контуры знакомых домов, неожиданно, стремительно налетев со стороны, нечто мягкое попало ему прямо в лицо, тут же скрыв весь обзор.

Исчезли ночные пейзажи, пропал шум стремительного ветра, исчез даже стук железнодорожных колёс о шпалы, продолжавший преследовать его с момента падения. Весь мир моментально провалился и растворился в темноте, как будто даже не существовал вовсе.

***

Дуновение влажного ветра. Запах грозы.

Открыв глаза и вдруг не увидев ровным счётом ничего, Миша принялся судорожно размахивать руками. Наконец он избавился от ограничивающего обзор головного убора, видимо сползшего ему во сне на лицо.

Тревожно осмотревшись, как обыкновенно оглядываются внезапно разбуженные или застигнутые врасплах люди, он осознал, что сидит на какой-то старой обшарпанной лавке.

По обе стороны от него простёрся знакомый, безлюдный и едва освещённый Сквер Поэзии.

О его ботинок, подгоняемая довольно сильными порывами ветра, с лязгом катаясь туда-сюда, слегка билась расколотая зелёная стеклянная бутылка.

Неимоверно болела голова.

Просидев так ещё полминуты не шевелясь, Миша наконец окончательно пришёл в себя. Осмотрел руки и ноги. Потом коснулся своего лица.

— Ничего, — с облегчением и растерянно произнёс он.

Он был одет, небрит, немного пьян и в общем был в порядке, не считая того факта, что его настигла беспощадная мигрень.

Мигрень и усталость. На несколько минут в голове воцарилась полная тишина. Больше ни о чём не хотелось думать. Думать было неприятно.

Поднявшись с лавки, он подхватил в полёте поднятую ветром, вечно пытающуюся потеряться шляпу. Поборов приступ головокружения, прохожий неровной походкой двинулся в сторону Рымарской.

Абсолютно пустые улицы города дышали холодным ветром. Дождь, сперва прилетавший редкими каплями, которые приносили воздушные вихри, превратился в плотный поток.

Роковой фонарь

Мимо Благовещенского собора, преодолевая штормовой ветер и осадки, держась обеими руками за газету над головой, быстрым шагом пронёсся тёмный силуэт невысокого, плотно сложенного человека.

Забежав в первую попавшуюся подворотню, насквозь промокший и трясущийся от холода, он, судорожно потирая плечи, прислонился к стене.

Исполинский треск вдруг накрыл пространство, и, словно от могучего крыла, в улицу рванул воздушный поток. Прохожий, щурясь от заливающего глаза дождя, взглянул на небо. Вода срывалась вниз буквально потоками, чтобы неминуемо разбиться о тротуар.

Казалось, не только тучи водили свой разнузданный хоровод в этой перевернутой прорве. На секунду, во вспышке далёкой молнии, ему почудилось, как будто в грозовом небе, на фоне облаков, выделился силуэт могучей гигантской птицы. Внезапно её серая плоть покрылась жилами яркого света, и вдруг в болтающийся посреди улицы фонарь ударил столб неудержимой энергии. Фонтан искр осветил стены соседних домов. Окна погасли, и улица, да, наверное, весь город, погрузилась в полную тьму, напоследок лишь изредка помигивая отказывающимися один за другим уличными фонарями.

Оторопев от первобытного ужаса, мужчина, схватившись за уши, прижался к стене.

Пахло сгоревшей изоляцией. Но вспыхнувшие провода быстро погасил необыкновенно сильный ливень, какого в этих местах не видели уже много лет.

Так, отогревая тёплым дыханием околевшие руки, мужчина стоял в подворотне минут пять, до тех пор пока его внимание не привлекло нечто странное.

Пульсирующее слабым синим светом, это нечто повисло между домами на высоте около пяти-шести метров над дорогой.

Удивительно, но источником странного свечения оказался поражённый молнией уличный фонарь.

Сперва под его плафоном что-то зашевелилось, потом замерло, и вот перегоревший фонарь потух совсем. Однако через пару секунд он снова засветился мягким, необыкновенно голубым сиянием, едва освещая стены и сделавшиеся совершенно мёртвыми большие чёрные окна типографии на другой стороне улицы.

Пересилив испуг и восстановившись после оглушительного удара молнии рядом, всё ещё дрожа от холода, мужчина приблизился к краю арки, чтобы получше рассмотреть этот необыкновенный и теперь единственный на всей улице источник света.

Гром прошёлся оглушительным раскатом, словно гигант пробарабанил по жестяным крышам домов громадными берцовыми костями.

Не обращая внимания на грозу, игнорируя плотный ливень, очарованный сиянием над головой, человек встал почти под самый плафон.

Вдруг под мутным стеклом что-то снова задвигалось, и стало понятно — там, внутри колбы уличного фонаря, явно находилось нечто живое. Оно шевелилось, вертелось, и чем интенсивнее оно двигалось, тем более ярко прорывался наружу этот необыкновенный свет.

Спустя минуту изнутри линзы стал доноситься слабый стук.

Негромкое поначалу, буквально напоминающее звук бьющейся о лампу светильника бабочки, постукивание становилось всё отчётливее и звонче.

Наконец один из ударов оказался настолько сильным, что толстое стекло, издав характерный звук, треснуло.

Человек, не отрывая глаз, отошёл обратно к краю арки, достал очки из залитого дождём, словно стакан, кармана и неуклюже надел их себе на нос. Интенсивно и бестолку он протирал мокрые линзы носовым платком, дабы убедиться, что это не оптическая иллюзия, но дей-

ствие продолжалось, и мокрые диоптрии отражали сизое пульсирующее сияние из треснувшего фонаря.

Казалось, ничто не смогло бы его теперь отвлечь от этого дивного явления, но из глубин тёмной улицы вдруг донеслись странные шорохи, и вскоре шелест дождя дополнился многочисленными хлюпающими звуками, похожими на шаги десятков босых ног по мокрому асфальту.

Кто-то, невидимый за вуалью чёрных уличных теней, приближался безмолвно.

Стоило мужчине напрячь все свои чувства, чтобы осознать, что же такое движется в его сторону, как позади, из недр двора, в подворотне которого он находился, донёсся глубокий низкий вздох.

Словно ледяной поток, сошедший вместе с грозowymi осадками, в сердце ночного путника гадким сумраком вошла тревога, а вслед за ней и сам верный рыцарь тьмы — страх.

Нечто очень крупное, грузно наступая, вошло в подворотню со стороны двора, наполнив её неприятным запахом горелого мяса и волос.

Тёмное окно старой типографии отражало не только улицу, но и арку, где находился сам прохожий. Мелькнула молния, и мужчина вдруг заметил, что в мрачном проёме, кроме него, появился новый силуэт.

Едва взглянув через плечо и увидев, что именно к нему приближается, лысеющий полноватый мужчина в сером, насквозь промокшем плаще, вскрикнув от ужаса, снова выскочил из дворовой арки обратно на улицу. Оглядываясь, в одной из вспышек голубоватого света он в ужасе увидел часть туловища чудовищного создания, что будто выбралось не из мокрого двора, а из ночного кошмара. Человекообразная бестия, глядя на него холодными белыми зрачками, пригнув голову, теперь восставала прямо на том самом месте, где пару секунд назад был он сам.

Носок лёгкого, уже порядком заношенного коричневого ботинка предательски зацепился за бордюр, и мужчина упал на асфальт, сильно ударившись лицом.

Разбитый нос тут же пустил по мокрой дороге красный ручеёк, расплывавшийся вперемешку с дождевой водой.

— Ну куда же? Куда же вы так спешите, Павел Максимович?

Послышался низкий, но довольно приятный женский голос, который, казалось, словно эхом отражался в каких-то незримых глубинах небольшого тёмного двора за аркой.

Звуки шлепков босых ног заполонили пространство улицы, словно уже сотни стоп совсем близко топтали мокрый асфальт.

Павел Максимович, пронизываемый болью и страхом, корчился, лёжа на дороге, словно ужаленный змеей заяц.

Наконец взяв себя в руки, он, едва привстав, перевернулся на бок, нехотя глядя в чёрную глотку дворовой арки.

— Это ты?! Что это... Что это такое с тобой? — прокричал прохожий, сиюсь перекричать шум дождя.

В подворотне, едва подсвечиваемой голубым сиянием фонаря, появился новый силуэт. Это была женщина, одетая в старомодное платье и, видимо, носившая вуаль на лице.

— Как неловко. Вы не узнаете? Вы приглядитесь получше.

Павел Максимович, лёжа на боку, сощурившись от дождя, взглянул на огромную, едва различимую человекоподобную фигуру, стоявшую рядом с женщиной.

— Я потерял очки, ничего не вижу. Что это за животное?

— Ты принёс то, о чём мы с тобой договорились?

Женщина в подворотне, вовсе не сиюсь перекричать ливень, говорила спокойно и надменно, но каким-то образом Павел Максимович слышал её прекрасно.

— Да! Принёс! Где мой сын?!

— Вот твой сын, — силуэт женщины указал на чудовище, стоявшее рядом.

— Это шутка?! Я принёс то, что ты просила. Покажи мне сына.

— Покажи, что принёс ты.

Павел Максимович подтянул к себе портфель, валявшийся рядом, и, порывшись в нём немного, достал какой-то прозрачный предмет размером почти с кулак. Всё ещё лёжа на боку на мокром асфальте, он поднял его в вытянутой руке над собой.

Одновременно он забрался правой рукой в карман своего плаща, нащупав там холодную рукоять тяжёлого металлического предмета.

— Вот этот алмаз! Я украл его, как ты и просила. Теперь, пожалуйста, верни мне сына!

— Спасибо, Павел Максимович. Вы очень надёжный клиент. В наше время, знаете ли, это редкость. Дайте его мне.

Павел Максимович скривился, запыхтел и скорчил лицо в болезненной гримасе.

— Простите, я, кажется, сломал ногу. Возьмите его сами.

— Сами? Ну что ж. Мы можем и сами. Кирюша, подойди к папе и возьми камень.

Жуткое существо, блеснув белыми зрачками, молча двинулось в сторону лежащей на асфальте фигуры.

— Не подходи! Стой на месте! Я сказал — стой на месте!

Безмолвный гигант вышел из подворотни, явив жуткое, словно обожжённое, голое художавое тело. Проходя под фонарём, одна из глазниц поглотила своей чернотой свет мелькнувшей зарницы.

Внезапно раздался хлопок.

Потом ещё один, и ещё, и ещё.

Великан, остановившись и издав утробный вздох, немного пошатнулся.

Из подворотни донёсся истерический смех. Там показались ещё два женских силуэта.

Помимо прочего, звук шагов во тьме становился громче.

Мужчина, едва поднявшись на ноги, обернулся и тут же пожалел об этом.

По правую руку от него в мокром сумраке маячили десятки босых голых ног.

Это было ужасно.

Абсолютно нагие. Женщины, мужчины и даже дети.

В свете частых вспышек ночного фейерверка ему показалось, что большинство из них были обыкновенной человеческой комплекции, однако всё же у каждого присутствовало какое-то явное уродство.

Некоторые выделялись особенно кошмарным видом.

У кого-то не было глаз. У некоторых других лица были искривлены отвратительным, неестественно огромным ртом в угрюмом выражении, с обвисшими краями губ.

И если остальные были хоть чем-то схожи с людьми, эти походили на них менее всего.

Мертвенно бледные и обезображенные, все они выглядели так, словно их достали из чрева кита.

Послышалось ещё два щелчка.

— Отошли прочь! — крикнул Павел Максимович и, вскочив на колени и судорожно вращаясь вокруг себя, выхватил из кармана перочинный ножик с серой пластиковой рукоятью в виде рыбки.

Однако что-то рухнуло на него, и мрачный промозглый мир, перевернувшись в его глазах вверх ногами, внезапно потух.

Из его руки на дорогу выпал тот самый камень.

Дальние и ближние вспышки молнии, немые, то и дело озаряли содержимое мокрых мрачных улиц.

Изуродованная толпа топталась молча, алчно взирая на распластавшегося по асфальту человека, словно удерживаемая на расстоянии кем-то или чем-то более сильным и опасным. Ближние хищно таранились на мужчину, и даже в плотном дожде их по-собачьи грустные

глаза были черны, но полны непонятной слепой жадности. От этого их обвисшие лица казались ещё более жуткими.

Рядом с распластавшимся в расхристанном, прилипшем к мокрой дороге плаще мужчиной, приваленным упавшим на него великаном, на фоне шевелящейся толпы уродцев стояла маленькая девочка лет пятнадцати. Она была одета в школьную форму старого образца. Её волосы были заплетены в две косы.

С невозмутимым лицом девочка наклонилась над затихающим Павлом Максимовичем, заглянув ему в глаза.

— Дочка. Ангел. Ты что тут делаешь? Ты не знаешь, где Кирюша?

Девочка, подняв что-то с асфальта и выпрямившись, молча указала пальцем на нечто, лежавшее своей огромной головой у него на груди.

Что было дальше, Павел Максимович уже не воспринимал.

Мрачный и протяжный звон донёсся откуда-то с высоты, из мокрой бездонной прорвы неба.

Это, словно ощутив нечто нездоровое, творящееся во тьме у своего подножия, подал голос Благовещенский храм.

На колокольне загорелся тусклый свет, и теперь на фоне грозы с проливным дождём она выглядела словно маяк на маленьком острове посреди бушующей штормовой ночи.

— Брунхильда, не мешкай. Времени нет! — выкрикнула теперь как-то нетерпеливо женщина в вуали.

— Потерпи. Это всё неправда, — произнесла девочка негромко и, подняв над собой камень, показала его той, что всё ещё стояла в подворотне.

Колокол подал голос снова, во второй раз, унося в грозу тяжёлый густой звон.

Суэта умолкла, и почти каждая тварь, гадко харкая, уставилась в сторону колокольни.

Та, что стояла в тени подворотни, тоже подошла к фонарю.

Она откинула вуаль, напряжённо глядя на девочку с камнем в руке.

— Будь осторожна, дорогая. Маленькая вспышка — и он выскочит, — произнесла она холодно, внимательно вглядываясь в фонарь, словно ожидая, что вот-вот что-то произойдёт.

И случай не заставил себя ждать.

Мощная молния сверкнула в небе и, отразившись от асфальтовых луж, озарила под собой весь город.

Её вспышка тут же блеснула на камне, который был в вытянутой руке девочки.

Фонарь затрясся и, затрещав, разлетелся вдребезги.

Где-то позади, в районе Успенского, ударила очередная молния, и тут же стремительная синяя стрела, пронзив за доли секунды всё, что было на её пути, исчезла именно там, откуда возник отблеск.

Девочка, державшая камень, взвизгнув, схватилась за лицо и, скорчившись, упала на мокрую дорогу.

Из-за угла здания со стороны Благовещенского собора замаячил жёлтый свет, послышались голоса.

Колокольня снова дала о себе знать очередным ударом колокола.

Лицо всё ещё стоящей у подворотни дамы исказилось до неузнаваемости в неестественно злобной гримасе.

— Подделка! Стекляшка! Он притащил стекло! Это не настоящий кристалл, это стекло! Серая масса пришедших к месту действия существ виновато попятилась назад.

Ей никто не ответил.

Яркий макияж на лице женщины расплылся.

— Княгиня, пойдёмте, — послышался грубоватый голос одной из трёх в её свите, также участвовавших в этом действе.

— Пойдём? Куда пойдём? Ищите! Ищите птенца!

— Они идут. Пойдёмте, княгиня, — робко повторила та, что была позади сильно раздосадованной женщины.

— Кто? Эта шайка скоморохов? Мы только пришли. А это не церковь! Это склад. Склад для барахла. Там никого нет. Там туалет для бомжей. Найдите его. Найдите мне срочно, — произнесла дама мрачно и холодно, взирая на лежащее на дороге без признаков жизни маленькое тело.

— Сука! — возопила вдруг она отчаянно, и её челюсть вывернулась набок. Женщина схватилась за лицо. Вуаль снова упала ей на глаза.

Пляшущие языки пламени, излучаемые приближающимся факельным шествием, отразились всё в тех же окнах старой типографии.

Держась рукой за своё лицо, в объятиях своей спутницы дама резко развернулась и скрылась в чёрной подворотне.

Вслед за ней во тьме двора ровно так же тихо и бесследно, как и появились на этой улице, скрылись и остальные двое. Лишь девочка в школьной форме так и осталась лежать на асфальте, потеряв сознание.

Свет от факелов, приближавшихся со стороны Покровского, уже лизнул края зданий на этой улице.

Этот свет — свет негаснущих даже под проливным дождём факелов — проецировал на стены причудливые картины. Тени странных и невообразимых силуэтов плясали на них, словно пара над этой немногочисленной братией, что и несла в своих руках этот огонь.

И вдруг существа, словно туман в ночи, стали растворяться.

Оставленная на асфальте девочка очнулась. Привстав на колени, промокшая и продрогшая от дождя, она растерянно коснулась лица.

Прикрывая рукой правый глаз, она осмотрела участок улицы под разбитым фонарём.

Оранжевый свет теперь коснулся и её лица. Она ненадолго замерла, как будто обомлев, но ещё до того, как показались первые люди, наконец встала на ноги и быстрым шагом скрылась за углом ближайшего здания.

Павел Максимович пришёл в себя, ощутив на лице кровь. Стоная, он принялся отползать в сторону ближайшего бордюра, судорожно оглядываясь в глубь опустевшей, освещаемой тёплым светом факелов улицы. В промозглом мраке не было видно ровным счётом ничего. Ничего там не было видно и после того, как из-за поворота молча показалась небольшая процессия людей в чёрных мантиях.

Мощные потоки небесной воды словно смыли всю нечисть с улицы, оставив лишь несколько предметов на асфальте: небольшую потрёпанную детскую коляску сидячего типа, валяющуюся набок, осколки стекла от разбитого фонарного плафона и маленького человечка, скорчившегося в позе эмбриона ровно посреди улицы.

Увидев, как маленькое тельце шевельнулось, Павел Максимович почувствовал, как что-то сжалось внутри настолько сильно, что ему стало сложно сделать даже единый вдох.

— Ва... Вадичка, — услышал он детский, очень слабый голосок. — Как люблю Вадичку. Горячо было, горя...

Немолодого лысеющего мужчину накрыло предчувствие неудержимого ужаса. Однако ужас этот теперь исходил не извне. Он возник внутри его сущности. Этот вселившийся в него демон, лишь родившись внутри его разума, тут же заявил, что отныне нет места на земле, где бы он — Павел Максимович — мог от него скрыться.

Павел же Максимович что было сил принялся ползти к телу — предположительно мальчика, предположительно лет семи. Он лежал на асфальте, не издавая больше ни единого звука.

Этой ночью он всё-таки нашёл того, кого потерял бесследно годы назад.

Маленький копчёный голем больше не двигался. Единственный целый зелёный глаз бездушно отражал успокаивающееся промозглое небо. Небо тёмное и беспокойное, как будто перевернувшийся вверх ногами штормовой океан.

Забытый пациент

— Молоко! Свежее молоко!

Где-то вдаль по лужам шуршали колёса. Словно возвещая о приходе нового дня странным оркестром, гудели автомобильные сигналы.

Миша валялся в кровати, зарывшись в одеяло, и вовсе не желал признавать произошедшего. Наступило утро.

Сквозь промокшую, испещрённую трещинами по белой краске форточку снова доносилось, оглашая все окрестности как утренний призыв на молитву из минарета, неизменное: Свежаайше! Мо-ло-ко!

— Картошка! — вторил второй голос, слегка в отдалении.

— Вас сюда что, с африканских берегов вместе с грачами принесло? — нервно проворчал Миша, зарываясь в одеяло ещё глубже, пока его снова не накрыло это медленно просачивающееся внутрь тела, наполняющее теплом чувство успокоения. Гравитация отключилась, и тёплое мягкое облако подняло его в пространство между полом и потолком. Ощущение полёта приятно шекотало стопы и кончики пальцев, и все вокруг казалось настолько были счастливы тому факту, что Мише хорошо, что даже «Картошка» и «Молоко» теперь звучали словно пение утренних синичек, малиновым звоном воспевающих его благодать.

Однако, как известно каждому пилоту, погода — штука довольно переменчивая.

Внезапно облако посерело, потом почернело и вдруг, без всякого объявления войны и воздушной тревоги, Мишу предательски буквально мгновенно поразил разряд тока.

Корчась и извиваясь, он камнем тут же рухнул на землю, но молния безжалостно всё продолжала бить и бить, раз за разом угождая куда-то прямоком в область гипоталамуса.

Дребезжащий звонок снова превратил пространство старой квартиры в электрический стул.

Проснувшись, он усвоил ещё одну истину в своей жизни. Если и есть в мире самый негуманный способ разбудить человека или убить скотину на скотобойне — это был он: бесстрастный и хладнокровный, старый добрый советский электрический звонок.

***

— Да прекратите наконец меня терзать! Это что за обсессивно-компульсивное расстройство там, за дверью?! — выпалил Миша, заматываясь в потёртый халат и параллельно пытаюсь выудить предательски ускользнувший под кровать правый тапочек.

— Мишенька! Это тётя Рая пришла, сыночек! — донёсся приглушённый голос старушки из-за двери в прихожей.

— Тётя Рая?! Иду, подождите! — откликнулся Миша и про себя добавил: — Тётя Рая она. Какого же вы такого рая, тётя, в семь-то утра в воскресенье?

Доковыляв к двери и попутно потирая ладонью правый глаз, он открыл замок и выглянул на лестничную площадку.

— Здравствуйте? — Старушка, прижав руки к груди, удивлённо уставилась в открытую дверь.

— Здравствуйте, тётя Рая! Вы чего-то хотели?

— Простите. Я, кажется, не туда...

— Тётя Рая, вы что, не до конца проснулись сегодня?

Старушка, уже развернувшись, недоверчиво глянула через плечо и тут же преобразилась в лице.

— Ой! Здравствуй, Мишенька! Сыночек, я тебя не узнала. Представляешь? Вот те на! А чего глаз красный? Заплаканный? С Наташенькой поспорился?

— Тётя Рая, поспорился, помирился. Какая вам ра...

— А ты не расстраивайся. Ты ведь мальчик у нас молодой, талантливый, симпатичный, наверное, — абсолютно беспардонно проигнорировав возмущение Миши, продолжила старушка. — Да чёрт с этой симпатичностью. Девочек вон сколько гуляет по городу, и не всем симпатичные нужны. Не на всех же симпатичных напасёшься, а, Мишка?! — старушка игриво подмигнула.

— А давай я тебя с моей племянницей познакомлю!

А знаешь что? У тётки Нины появилось средство, её муж из Индии привёз. Он же моряк! Так они это средство сейчас продают и сами пользуются..

— Тётя Рая, что вы хотели? — решительным холодным тоном Миша отрезал поток подробностей успешного, но незаконного бизнеса.

— М Ладно. Я вот по какому вопросу Наташенька твоя звонила.

— Да? Когда?

— Сегодня ночью. Часа в три. Я прям удивилась, подумала — что такое? Может, что-нибудь случилось?

— И что сказала?

— Сказала, что не держит на тебя зла. Ещё добавила, что благодарна тебе, но больше

— Ну продолжайте

— Нет, подожди. Прости, я сонная была. Она сказала, что больше здесь вы не встретитесь.

Здесь. Ты понимаешь? Что значит — здесь? В подъезде? На лестничной клетке?

Тётя Рая наморщила лоб. Нужно внятнее выразаться. Любят же некоторые заставлять додумывать.

— Ну ясно. Тётя Рая, не фиксируйтесь. Что ещё сказала?

— Да ничего. Положила трубку.

Голос у неё был какой-то странный. Как будто она не выспавшаяся была. Говорила так размеренно, спокойно. Не как обычно.

Обычно же она у тебя моторчик. Всё время тебя подгоняла, толкала.

А тут, как будто ладно.

Миша глубоко вздохнул.

— Ясно. Ну что ж. Так даже лучше. Для всех.

Спасибо, тётя Ада.

— Тётя Рая! Вот в этом все твои проблемы, Миша, ты хороший мальчик, но уж очень невнимательный.

Я ж тебя с пяти лет знаю. Сколько лет прошло?! О! А ты всё такой же дурашка. Ох! — тётя Рая хлопнула в ладоши и прислонила сжатые в замок руки к своей груди. Её лицо обрело мечтательный вид, и она, улыбаясь, загадочно, словно Мадонна на иконах, почему-то уставилась в правый верхний угол дверного проёма.

«Сейчас пойдут мемуары», — подумал про себя Миша.

— как вспомню — в пять лет шортики у тебя такие же были синенькие, и ты бегал-бегал по дворику за котятами, пока они с тебя не спадали, потому что ты забывал шнурочек завязать как следует. Ты шлёпался на ладошки и пищал как щеночек. Такой маленький розовый щеночек Вот такой Мишутка у нас водился. Какая прелесть! И голосок тоненький такой был.

— Когда вам было пять лет, я ещё не «водился», тётя Рая, — мрачно улыбнулся Миша, прикрыв халатом семейники, которые, видимо, и были приняты за шортики. — Давайте к делу.

— Тебе когда пять лет было, дурашка. Ладно. Не сможешь бабушке?

Глянь на меня, пожалуйста, тут на пять минуток. У меня, кажется, пролежень появился.

Ты знаешь, я птица ранняя и никогда не валяюсь в кровати подолгу. Всегда встаю и зарядку, зарядку! Ну откуда он мог взяться?

И ещё давление скачет.

— Пролежни у вас? Вряд ли. Ладно, входите. Хотя подождите — у меня не убрано, вы можете зайти через час?

— Конечно, сыночек, конечно. Чистота — залог здоровья, порядок прежде всего.

Тётя Рая пронзительно посмотрела в глаза собеседнику и, назидательно-смирненно качнув головой, отплыла в сторону противоположной двери на лестничной клетке.

***

— Раиса Шимоновна, у вас синяк. Где вы так умудрились-то?

— Ах да! А я сейчас вспомнила. Этот Роман Петрович. Тот ещё акробат.

Ты знаешь, во Дворце пионеров проводят эти курсы танцевальные танго. Мы танцевали, танцевали и так увлеклись! Он наклонил меня и, ты представляешь, чуть не уронил, — Раиса Шимоновна кокетливо хихикнула. — Дурак женатый! Но удержал, хотя я слышала, как хрустнула его спина. Наверное, соли. Так вот, он так схватил, что..

— Дальше не надо, я понял.

Будьте впредь осторожны — Роман Петрович в следующий раз может оказаться в инвалидном кресле, а вам я сейчас выпишу мазь.

Миша поднялся из-за круглого, застеленного белыми кружевными салфетками стола, подошёл к старому шкафу и извлёк из ящика тонометр.

— Давление у меня как у космонавта, — предупредила Раиса Шимоновна.

— Вы говорите это каждый раз, как приходите на осмотр с жалобами. Подставляйте руку, проверим, не потревожил ли его Роман Петрович.

— 145/75 — повышено. Вы пили кофе перед зарядкой?

— Я пила крепкий чёрный чай, — она замолчала на несколько секунд, повернув вдруг осунувшееся лицо в сторону окна. В глазах пожилой женщины промелькнула тоска. — Алексашенька всегда любил крепкий по утрам. У него эта привычка после лагеря появилась.

Я сначала плевалась-плевалась, говорила: «Ну что за гадость ты пьёшь?!» А потом его не стало. И я сама стала пить крепкий чай.

В воздухе повисла грустная пауза.

Миша сочувственно взял шмыгающую носом старушку за запястье, попутно измеряя пульс.

— Не пейте крепкого перед физическими нагрузками. И вообще будьте аккуратнее, пожалуйста, вам уже не семнадцать лет.

— Это как посмотреть, голубчик. Мне всегда семнадцать лет, — внезапно воспряв, уверенным голосом заявила взбодрившаяся старушка.

— Ну хорошо, в семнадцать лет тоже такого делать не стоит.

Продолжайте заниматься, танцевать — хрустеть Романом Петровичем не стоит. Крепкий чай, кофе — не перед физическими нагрузками. Запрет. Ах да, купите эту мазь от синяков — вот рецепт.

Миша размашистым почерком, упёршись рукой в стол, написал название на рецептном бланке из жёлтой бумаги и вручил пациентке. — Втирайте три раза в день.

Раиса Шимоновна забрала бумагу и расплылась в добродушной улыбке.

— Спасибо, голубчик. Заходи к нам в гости, мы с Оленькой будем рады.

Миша, вздохнув, поднялся из-за стола и, негромко хлопнув в ладоши, подошёл к сидящей рядом пациентке, сиявшей широкой улыбкой.

— Обязательно, а сейчас нас всех ждут великие дела.

***

Он выскочил на улицу, набросив на себя наспех скрученный вещмешок и одновременно удерживая в охапке шлем, очки и связку ключей, надетую на пальцы.

Подойдя быстрым шагом к сараю в дальнем левом углу двора, прятавшемуся под сенью раскидистого дуба, и сняв навесной замок, он распахнул небрежно окрашенную салатовой эмалью металлическую створку.

Через минуту на белый свет, отблёскивая хромированными накладками, был выкачен предмет вождения и зависти всех дворовых мальчишек — лакированно-чёрный мотоцикл. На красном шильдике по обеим сторонам топливного бака красовался логотип марки Rannonia.

Закрыв сарай, Миша забрался на мотоцикл и несколько раз с силой лягнул кикстартер. Мотор, буркнув, наконец раскрутился, и, оглашая двор характерным гулом, мотоцикл растворился в ярком солнечном портале, сияющем между красными кирпичными стенами.

Погода была великолепная. Мягко пригревая землю, ясное весеннее солнце испаряло влагу ночных осадков. Завернув с Бабушкина к двум мусорным бакам перед поворотом на Семинарскую, он остановился ненадолго, чтобы наконец вытряхнуть недельное содержимое карманов своей затёртой коричневой кожаной куртки.

Оставив мотоцикл, он извлёк кучу фантиков от конфет и уже потянулся к мусорному баку, как вдруг позади донёлся еле слышный скрипучий голосок.

Выбросив мусор, Миша удивлённо обернулся на странный, ни на что не похожий голос.

Он был довольно тихим и имел необычный тембр, который, вероятно, мог принадлежать какому-нибудь карлику или кривляющемуся ребёнку.

Другой причиной его любопытства был тот факт, что без доли стеснения этот кто-то очевидно обсуждал именно его персону:

— Смотри-ка, очередной буржуй конфетами швыряется. И что же?! Опять всё достанется этой скверной вороне.

У меня ничего нет! Я всё съела, а конфет в глаза не видела, а если и видела — извините, какая разница? Не моё это Аркаши дело.

А дело, видите ли, Аркаши — колонку чинить, всех в округе поить, следить за порядком в палисаднике и иметь за это шиш с маслом!

И с какого вообще рожна вороны жрут ирис? Как у неё вообще задница ещё не слиплась?!
Вертихвостка.

Миша наконец выбросил мусор и, развернувшись, покосился на расположенную в палисаднике у дома чугунную водозаборную колонку.

Никого там не заметив, он уже вернулся к своему мотоциклу и было собрался на него запрыгнуть, как сзади снова донеслось несколько нехороших слов, на этот раз уже явно в его адрес.

Снова обернувшись, он наконец заметил у водяной колонки, едва просматривавшейся в зелёной клумбе, заросшей розовым кустом, нечто маленькое и серое. Животное, очень активно, почти по-человечески жестикулируя, шаталось туда-сюда прямо у основания чугунки, однако из-за малости объекта и его удалённости было неясно, кого и что именно представляло собой это существо.

Сделав несколько аккуратных шагов поближе, он наконец рассмотрел, как на небольшом гранитном камне, лежавшем у чугунного основания, вросшего в землю, повернувшись впол-оборота, уселось, комично копошась в собственном шерстяном боку, некое животное, отдалённо напоминавшее довольно крупную бурую крысу.

Поддавшись любопытству, Миша как мог тихонько подобрался поближе, однако, пристав на одно колено, тут же выдал себя скрипом кожаного сапога.

Застигнутая врасплох крыса моментально подскочила в воздух и, развернувшись в прыжке мордой к парню, приземлилась сразу на четыре лапы.

То, что произошло потом, было, мягко говоря, необычно.

Во-первых, это была не крыса.

Во-вторых, как только это произошло, Мишей тут же овладел странный морок. Неожиданно появившийся плотный туман в глазах резко ухудшил его обзор, да так, что он с трудом смог разглядеть даже кончики пальцев на собственных руках.

Уже этого факта было бы достаточно, чтобы испугать обычного человека, который наверняка сильно обеспокоился бы здоровьем собственного зрения.

Однако в дополнение к этому из мглы что-то внезапно гаркнуло, и Миша, немало испугавшись, тут же неуклюже свалился на пятую точку.

Туман рассеялся так же быстро, как и появился, и наконец он увидел невысокого плотного старичка.

Старичок этот, ростом примерно с кошку, был совсем крошечным.

Его голову венчала шляпа, сотканная из прутиков. Всё тело было покрыто лоснящейся серо-коричневой шёрсткой.

Правый ус существа, абсолютно белый, был лихо подкручен вверх и заканчивался подвязанной к нему можжевелевой бусинкой. Левый же ус отсутствовал вовсе.

Густые серые брови, массивно нависавшие почти до самых век, придавали ему вид скорее комичный, нежели грозный, а плюшевые уши, едва выступающие по краям головы, непременно вызвали бы умиление у любой пенсионерки.

Одето существо было в коричневые штанишки, кое-как сшитые из мешковины. Они болтались на импровизированных подтяжках из пеньки, накинутых поверх не очень широких покатых плеч.

В целом, несмотря на общую антропоморфность, это существо своими чертами и поведением действительно напоминало очень крупную, но весьма ухоженную речную крысу.

Напоминало, однако, с одной наиболее очевидной разницей.

У этой крысы было почти человеческое лицо, заросшее бурым пушком.

— Агррр! — вдруг, выпучив глаза, существо криво оскалилось.

Однако и на этот раз на морде хозяина колонки лежал отпечаток скорее удивления, нежели агрессии.

Миша, разглядывая неведомое животное, сидел на корточках с открытым от удивления ртом и постепенно учащающимся пульсом.

Странный зверь запрыгнул за колонку, и тут же из-за неё донёлся уже знакомый скрипучий голосок.

— Ты кто?! Наркоман?! А? Алёша! А ну пшёл вон отсель, обезьяна. Не разноси тут заразу! Кыш!

— Ты кто такой? — робко поинтересовался Миша.

На миг в воздухе повисло молчание.

Колонку с двух сторон обняли бурые лапки, и существо, выглянув, снова явило искренне удивлённую морду.

— Отакое!

Медленно и осторожно странный зверь встал на четыре конечности и внезапно, мигом, заскочил задним ходом в переплетавшийся с густой травой куст роз.

Через несколько секунд куст роз заговорил.

— Ты что! Видишь меня? — снова донеслось откуда-то из куста, наполненного клубком травы и листьев.

— Я думаю, что мне кажется Я тебя вижу. Видел, пока ты не залез в кусты.

— Ты что, во ты вообще кто такой? Невозможно, невозможно, невозможно.

Ты чужак? Я тебя не знаю.

Розовый куст замолчал, но тут же громко запыхтел.

— А, нет. Я тебя знаю, — продолжил он через несколько секунд.

Писклявый и одновременно скрипучий голос обрёл лукавые нотки.

— Ты! Ты ведь тот мальчик из красного дома. На той улице, где водится пакостная шавка, что ворует мои

А-а-а, да это ты!! Ты осквернил мой дом!

Голос существа стал ниже и даже захрипел.

— Что осквернил?

— Мой дом, — выдавил из себя со злобной хрипотцой странный зверь.

— Прости, а каким образом? Где ты живёшь вообще?

— Я с тобой из него разговариваю, вообще-то, паршивец. Я, вообще-то, чай пил! Сладкий! А ты сделал его солёным!

Ты думал, я забыл? Ты, наверное, думал, никто не видел?!

На последней фразе голос собеседника обрёл совсем неприятный тембр, а конец предложения и вовсе завершился злобным рычанием.

Кусты шевельнулись, и в сумраке розового куста Миша узрел пару больших чёрных, блестящих, как роса, зловещих глаз, принадлежавших довольно крупному, неразличимому по форме силуэту.

Когда же рядом с первой вдруг открылась ещё одна пара глаз, силуэт в кустах обрёл контуры и некоторое сходство с огромным лохматым пауком.

Затрясшись, оно вдруг, словно готовясь к прыжку, дёрнулось вперёд.

— Пошёл вон! — воскликнул испуганно Миша, отскочив от куста метра на два с проворством, которому позавидовал бы самый заправский кот на всей Карповке.

***

Успокаивая сердечный ритм, он всё ещё опасливо оглядывался на источник испуга.

Однако любопытство взяло своё.

Придя в себя и не отводя глаз, он снова подошёл поближе к злополучному кусту.

Куст едва шуршал, наклоняя ветки под налетевшим ветерком, и более не издавал никаких несвойственных ему звуков.

Наконец Миша, подняв валявшуюся рядом палку, на всякий случай осторожно ткнул ею несколько раз сквозь поросль.

Никакой реакции оттуда больше не последовало.

— Чёрт возьми. Нехорошо, Миша, ох как плохо. Так и до пятнашки недалеко.

Вдруг у одноэтажного частного дома, стоявшего прямо за колонкой, скрипнула ставня.

— Ты тут чего творишь, паршивец? Мою кошку палкой обижаешь?

Так я тебе эту палку сейчас туда-то доставлю.

Ты кто такой? Наркоман?

Миша невольно поёжился, и тревожно уставился на окно.

— Мария Платоновна, так это же я, Миша!

— Миша! Вот те на! А что это за перформанс ты тут устроил? Прыгаешь, чего-то себе бурчишь под нос. Ты чего? Наркоманом стал?

Миша замялся на секунду, представив, как по-идиотски эта ситуация могла выглядеть с той стороны окна.

— Я просто подошёл попить водички, поскользнулся на мокром и чуть не упал. Извините, если потревожил.

— Но-но подозрительно, — проворчала Мария Платоновна, прищутив глаз. — Смотри мне. Наркотики не употребляй.

Миша, отряхнувшись, нервно улыбнулся и, махнув рукой, решил прекратить неловкий диалог.

— Кошка. Это была, значит, кошка. Надо бы хорошенько выспаться, — подумал он. — Выспаться и посетить невролога.

Усевшись обратно на мотоцикл и дав себе установку сосредоточиться на нормальности происходящего, он нажал на кикстартер.

Мотоцикл схватил с первого раза, и мотоциклист аккуратно выкатил своё транспортное средство по разбитой асфальтированной дороге к перекрёстку с улицей Володарского.

Вскоре шум двигателя лакированно-чёрного мотоцикла с красным логотипом по обеим сторонам топливного бака быстро слился с бурным потоком автомобилей и трамваев где-то на повороте к Полтавскому Шляху.

***

На чисто белом столе лежала ровная стопка бумаг.

Из ящика свисала акустическая головка стетоскопа, кушетка благоухала характерным ароматом свежей клеёнки.

Как же очарователен запах стерильного кабинета по утрам.

Особенно когда приходится работать в субботу.

Лишь заблудившаяся между оконных рам толстая чёрная муха нарушала покой белоснежного кабинета, колотясь о невидимые стены своей стеклянной ловушки.

Упершись локтями в стол, Миша грустно разглядывал новенькую модель нервной системы человека, возвышавшуюся на тумбочке в дальнем углу кабинета.

Все отчёты были выправлены, все формальности соблюдены.

— Воспоминания о былом — верный путь к бутылке, — вздохнув, пробурчал он, словно наконец осознав всю печаль своей амурной истории. — Ну что ж. Семь футов под килем, попутного ветра, вожжу под хвост и прочих всяческих приободряющих вещей.

День за окном полностью вступил в свои права со всей свойственной ему суетой.

По улице с шумом прокатился массивный трамвай.

Миша вальяжно повернул голову в сторону окна и застыл, уставившись в него с унылым лицом.

С обратной стороны на форточке сидела птица.

И был это не абы какой голубь, коих, как любил выражаться в таком случае сосед дядя Коля, в окрестностях водилось как чего-то «за баней».

Крупный взрослый ворон сидел неподвижно, внимательно глядя на терапевта обоими глазами, словно ожидая от него какого-то действия.

Массивные угольно-чёрные перья, уложенные в стане гордой птицы, смотрелись словно новенький смокинг этакого элитного буржуа.

Миша было хотел вслух похвалить красоту этой птицы, но со стороны двери раздался вкрадчивый стук.

— Кто там? — поинтересовался он, тут же мельком бросив взгляд на дверь.

— Это я, Аня, Михаил Романович!

Он снова посмотрел в окно. Там уже никого не было.

— Заходи, — распорядился Михаил Романович, игриво постукивая пальцами по столу.

Из тёмного коридора в кабинет робко вошла невысокая сестричка с пухленькими рязанскими щёчками в белом, но уже не совсем свежем халате.

— Анечка, а ты чего тут забыла в субботу?

— Ой, извините. А вы кто?

— Добрый день. Я Михаил Романович. Да вы что, сговорились, что ли?

— Простите. Богатым будете. Я вас не узнала.

Миша, недовольно нахмутив брови, упёрся подбородком в запястья, сложенные в замок.

— Чего ты хотела?

— Я тут по делу, Михаил Романович, — она робко посмотрела на Мишу и тут же опустила глаза в пол. Белые щёки налились красным, словно спелые яблоки. — Меня Клавдия Васильевна вчера попросила сказала, что, если мне понадобится помощь, я смогу обратиться к вам. Вы не могли бы меня поддержать

Цветовая гамма опять сдвинулась в красный.

Миша с открытым ртом вальяжно откинулся на спинку стула и, забросив левую руку за голову, снисходительно взглянул на Анечку.

— То есть придержать. У нас тут просто перегорели все лампочки на этаже. Потолки высокие, самой лезть страшновато. Вы не могли бы поддержать стремянку?

— Да, конечно, а почему она попросила сделать это именно тебя?

— Николай Васильевич — наш электрик — заболел чем-то. А Сергей Никифорович в отпуске. Вот я сама и меняю.

— Да, конечно, никаких проблем. Вы нашли стремянку?

— Да, я уже приставила её к первому плафону.

Миша снова взглянул в сторону окна. Оно было пустым.

Нарочито игнорируя взгляд Анечки, он поднялся с кресла и, подойдя к окну, осмотрел улицу.

— Ты, когда вошла, видела большого ворона на форточке? — спросил он, глядя в окно.

— Нет. Я не обратила внимания. Простите.

Вдруг громко шлёпнув руками по подоконнику, Миша наконец развернулся к собеседнице лицом.

Скинув халат на вешалку, он сурово взглянул исподлобья на отвлечшуюся и растерянно разглядывавшую свежую модель нервной системы человека медсестру.

— Аня. Идём?

Анечка вздрогнула, широко улыбнулась и, утвердительно кивнув, тут же покинула кабинет.

Миша последовал за ней.

***

Лампочка зажглась неожиданно ярко, заставив невольно зажмуриться всех, кто принимал участие в её монтаже.

Спустившись и сложив стремянку, он решительно направился к тёмному участку коридора у туалета.

Анечка семенила позади с картонной коробкой новых лампочек.

— Вы слышали, что плесень погубила уже семьдесят пять процентов прошлого урожая в хранилищах?

— Да, увы, слышал.

— Что вы думаете об этом? Получится у нас справиться с плесенью или дефицит усилится?

— Аня, я не знаю. Я, как терапевт, могу лишь сказать, что эта гадость плохо влияет на людей, подверженных бронхолёгочным инфекциям. Остальное пускай решают биологи-селекционеры.

Аня ненадолго замолчала, укладывая пустые упаковки от ламп в картонный короб.

— Говорят, в Южноамериканской Республике научились справляться с плесенью. И наши биологи помогли обуздать этот штамм. Кстати, вы слышали, что они открыли программу по обмену опытом для врачей? Не хотите поучаствовать?

— Нет, спасибо. Нас и тут неплохо кормят, — проворчал Миша.

— Мне кажется, напрасно. Говорят, в их клиниках сейчас самое передовое оборудование и методики. Говорят, они

— Да слышал, — грубо перебил её Миша и молча, сердито вкрутил последнюю лампочку.

Она вспыхнула нестабильно, помигивая, и, только он было собрался слезть со стремянки, погасла.

— Пожалуй, стоило выключить свет. Но ладно. Дай ещё одну.

Анечка подала ему очередную лампу. Эта засветилась ровно, не мигая.

— Все до одной, двенадцать, — отряхнув друг о друга руки, констатировал Миша. — Это что же тут произошло, что перегорел весь коридор?

Упёршись ладонью в бок, он посмотрел на Анечку с высоты стремянки.

Аня же, щурясь с непривычки, улыбалась, словно ребёнок, — искренне и непосредственно радуясь проделанной работе.

— Так ночью такая гроза была, все лампы в округе перегорели, — проинформировала Анечка, наклоняясь к картонным коробкам, чтобы отодвинуть их подальше от лестницы.

— А это что такое?

— Что?

— Вот в углу, у потолка. Похоже на колонию плесени.

Миша присмотрелся внимательнее.

Чёрная бархатистая жила налёта выныривала из небольшой трещины в штукатурке у самого потолка и, насколько он мог видеть, в нескольких местах далее по коридору даже оплела старый изоляционный рукав наружной электрической проводки.

Анечка, чтобы лучше рассмотреть пятно у потолка, даже привстала на носки.

— Кажется, плесень, — согласилась она. — Ты думаешь вы думаете, это она?

— Не знаю. Не уверен. Это старое здание. Ему нужен капитальный ремонт.

— Да. Кстати, здесь ещё работала моя прабабушка, — Анечка кокетливо улыбнулась.

Миша, бросив вниз равнодушный короткий взгляд, ничего не ответил и тут же снова сосредоточился на осмотре странной чёрной плесени.

— Ясно, — констатировал он что-то про себя.

Отряхнув руки от пыли, Миша сбегал по стремянке вниз и, развернувшись, неуклюже столкнулся с довольно пышным бюстом всё ещё рассматривавшей потолок зазевавшейся помощницы.

— Ой, простите. Неловко вышло.

Лицо девушки залилось краской.

— Ничего страшного. Мне не больно. Последняя на сегодня, — он скупно улыбнулся и протянул ей сгоревшую лампочку.

Сложив лестницу, Миша молча потащил её к кладовке, находившейся в дальней части коридора, оставив улыбающуюся Анечку провожать его своими почему-то грустными глазами.

Постепенно улыбка на её пухленьком личике почти растаяла.

Осунувшись, она вернулась к ящику со старыми лампочками.

Миша же, покончив с освещением, вернулся в свой кабинет, твёрдо намереваясь как можно скорее покинуть поликлинику и убить остаток дня где-нибудь в одиночестве.

Подойдя к хромированной вешалке, стоявшей слева от дверного проёма, он привычным движением накинул кожаную куртку, закинул на плечо вещмешок, болтавшийся на соседнем крючке, и, схватив под мышку шлем, уже собрался выскочить в коридор.

Однако, бросив у порога беглый взгляд на стол, остановился.

Отпечатавшаяся в памяти картина нарушала установленный ранее порядок вещей. Он снова внимательно посмотрел на рабочий стол и, удивившись увиденному, вернулся в кабинет.

На столе лежал посторонний предмет — старая засаленная амбулаторная карточка.

«Анечка, наверное, забыла», — подумал он, поднимая документ.

Страницы зашевелились, и тут же из одной из них на пол выпал листок.

При ближайшем рассмотрении поднятый с пола листок оказался довольно старым, выдавшим виды желтоватым конвертом. Края его были слегка помяты, на поверхности виднелись сальные пятна.

Надпись на конверте гласила: «Дорогому доктору».

За окном вдруг раздался скрип, и шумно захлопали крылья улетающей большой птицы.

Миша подошёл к окну, отражавшему в стёклах красный закат, бросил бумаги на подоконник и, упёршись в него руками, выглянул наружу.

Стайка воробьёв спорхнула с фасада где-то выше, прямо над окном, и, шумно чирикавая, унеслась восвояси.

Он опять вернулся к бумагам.

— Мартынова Мария Павловна, 1895 года рождения, — вальяжно прочёл он вслух информацию на титульном листе. — Старушенка, раритетный экземпляр девяностолетней выдержки. Так, что у нас тут?

Он развернул историю болезни.

— Грипп, скарлатина и всё?

«Занятно. Эта амбулаторная карта очень старая», — заключил он про себя и поднял с подоконника конверт.

Небрежно вскрыв его, Миша извлёк небольшую записку.

На листке аккуратным каллиграфическим почерком были написаны всего три строки:

«Прошу навестить меня по адресу, указанному в прилагаемой амбулаторной карте. По прибытии предъявить это письмо.»

С ув. Брунхильда».

От письма веяло манящим ароматом можжевельника.

— А какое отношение имеешь ты, Брунхильда, к амбулаторной карте старушки Марьи? — произнёс он вслух, уже во второй раз неосознанно поднося письмо к носу, чтобы снова вдохнуть увлékший его аромат.

Отчего-то скептицизм постепенно стал смягчаться, сменяясь любопытством.

Миша снова раскрыл титульную страницу карты.

На ней значился адрес: Город, переулок Черниговский, дом 10.

«Не мой район», — подумал он, повторно вдохнув запах письма и на этот раз осознав, что с трудом может оторваться от конверта.

Запах вызывал приятные ассоциации и какие-то воспоминания из глубокого детства: о бабушкином доме под Симферополем, обыкновенно заросшем сиренью, об изобилии можжевеловых дощечек, чашечек и прочего ароматного скарба, изготовленного из этого душистого материала, в большом количестве водившегося на её небольшой кухне.

«Посмотрим. Может, и заскочу», — решил он.

Спрятав конверт и карточку в вещмешок, Миша надел куртку, а затем закинул мешок на плечо.

Закрыв на ключ кабинет, он двинулся вниз по очень старой, изрядно стоптанной лестнице из белого мрамора, украшенной коваными перилами, сто раз вымазанными облупившейся голубой краской.

— Вы вечером не хотите сходить куда-нибудь? — робкий знакомый голос настиг его у самого выхода.

Миша обернулся и в потёмках обширного вестибюля увидел Аннушку.

Потупив глаза в пол, она стояла, опершись плечом о дверь в подсобку, всё в том же медицинском халате и белой косынке на голове.

— На свидание приглашаешь? — из полутьмы дверного тамбура сверкнули белые зубы улыбающегося Миши.

— Нет, что вы. Просто пообщаться, профессиональный интерес и всё такое.

— Пока не знаю. Я, кажется, заболел.

— Неприятность. А какие симптомы?

— Чудится всякое. Наверное, отдохну сегодня дома. Очень спать хочется. Может, на следующей неделе? Кажется, у Покровского монастыря в понедельник будет ярмарка с блинами и прочей суетой. Можем сходить после смены. Если хочешь.

— Я не против. А вы хотите сходить туда?

— Вообще-то не собирался, но ради тебя — с удовольствием. Короче, я побрёл домой задрать пробоины в старых бортах.

Анечка искренне улыбнулась, стеснительно прикрыв рот правой рукой.

— Ясно. Поправляйтесь. И тёплой гавани вашим бортам.

— Чао! — слишком бодро ответил Миша.

Осознав это, он театрально-меланхолично зевнул и, прикрыв глаза правой рукой, едва не выронив шлем, вышел из поликлиники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.